КРОКОДИЛ

Семейная вылазка.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— И все-таки я им доказал, что посетитель всегда прав!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Владимир ЛИФШИЦ

О перспективах

Решив заняться спортом,
Пришел я раз в «Динамо».
— Не перспективный
возраст! —
Мне там сказали прямо.
— Из вас,—
Мне там сказали,
Взглянув недоуменно,—
Не выйдет чемпиона,
Не выйдет рекордсмена...

Обидясь на «Динамо»,
Не стал вступать я в спор
там,
А двинул в «Буревестник»,
Решив заняться спортом.
На плеч моих сутулость
С пренебреженьем глядя,
— Не перспективный
возраст! —
Сказал спортивный дядя.—
— Вы родились, наверно,
Еще во время оно!
Не выйдет рекордсмена
Из вас
И чемпиона...
На это я ответил,
Не в силах скрыть
волненья:
— От старшего позвольте
Сказать вам поколенья,
Что мы и не желаем
Ниспровергать рекорды,
Но мы хотим в бассейны,
И мы хотим на корты!

Хотим, как говорится,
Мы лишь оздоровиться —
Попрыгать
И побегать
И плавать научиться!
Не только чемпионам —
Возможность дайте массам
Сыграть, к примеру,
в теннис
Или поплавать брассом!..

— И смех и грех, папаша!
Ну, не к лицу вам плавки.
Играйте в шахматишки
Во дворике на лавке.
Или «козла» с друзьями
Под вечер забивайте.
А нам нужны рекорды.
Вы поняли!
Бывайте!..

— Видать, что мне
подобных,—
Воскликнул я невольно,—
В сеть обществ
добровольных
Не примут добровольно!!.
Отстали вы от жизни!
Мне слушать вас противно!
И ваша точка зренья,
Простите, не спортивна!

Не только не спортивна,
Но и консервативна,
И уж, конечно, вовсе
Она не перспективна!

БОГ БЕРЕЖЕТ...

Читатель, друг мой, на всякий случай вот что: будь мужчиной! Выкинь в форточку лыжные ботинки, отпили ножки у стульев и натрись скипидаром. А то как бы чего не вышло.

Потому что, во-первых, лыжные ботинки — они, подлецы, на такой толстой подошве, что, того и гляди, покажешься кое-кому стилягой.

Во-вторых, ножки у стульев голые, а пристрастие к голым ножкам, сам понимаешь, какой отклик может вызвать. Можно, правда, сшить чехольчики для каждой ножки, но только, ради бога, не называй их больше «ножками», не надо этой умилительности, этого подозрительного сюсюканья. Лучше — «ноги». Так пристойнее.

В-третьих, если ты не натрешься скипидаром, то ты можешь прослыть не натеревшимся скипидаром. А это тоже может оказаться предосудительным.

Решись, читатель, и запомни: лучше сто раз перестраховаться, чем один раз недостраховаться. Хоть и хлопотно крайне, но зато и обезопасишь себя до крайности.

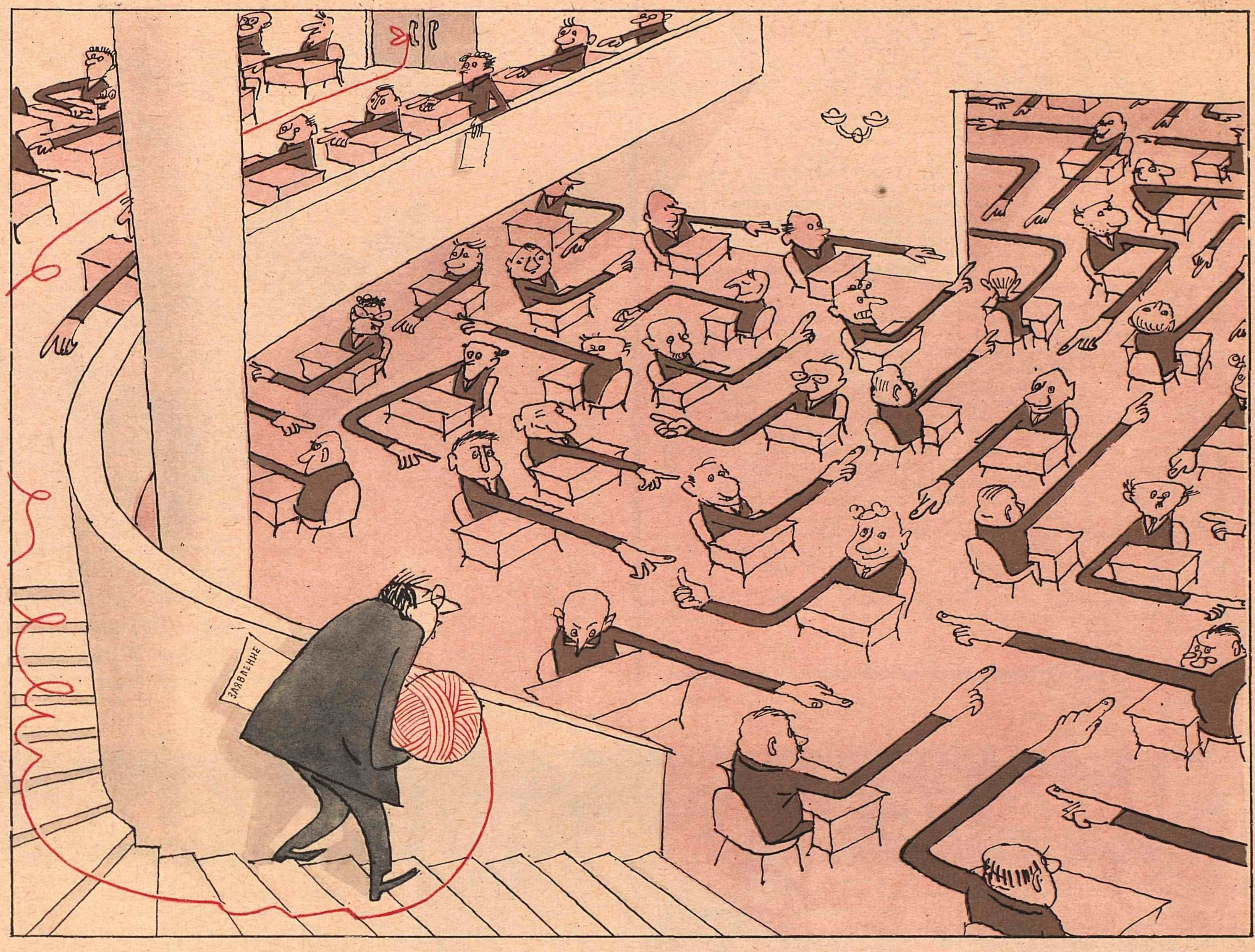
Тому есть примеры. Тем более, что примеры эти не из чьей-то там непроверенной личной жизни, а (на всякий случай) из жизни целых коллективов. Здоровых коллективов — Каргопольского райотдела культуры и отдела пропаганды Каргопольского же райкома партии.

Как-то перед Новым годом художник Дома культуры Копосов заявил вдруг: хочу, говорит, оформить зал на сюжет сказки о двенадцати месяцах. Для детей, говорит.

Что-то тут не так, сразу смекнули в отделе культуры, подозрительный сюжет какой-то. Ты, говорят ему, не на сюжет жми, а давай-ка по-настоящему, как всегда. Диаграммы нарисуй поярче, чтоб рост продуктивности отображался, по яйцезаготовкам рубежи... Можно и стих повесить для окультуривания масс.

Проинструктировали так и отпустили. В ночь под Новый год пришли проверять. Смотрят — висят-таки рисунки, а на них старик Годовик — не наш, царевна — не наша. Чуждые.

До того чуждые, что заведующая отделом товарищ Носова рассерди-

— Удастся ли мне выбраться из этого лабиринта?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

лась и отобразила Годовика в специальном приказе.

«Вместо правильной личности старика Годовика и царевны,— уличал приказ,— Копосов нарисовал божий лик с иконы».

И, чтобы уж от греха подальше, постановили: Годовика снять, приказ повесить, Копосова уволить как «оказывающего дурное влияние на молодежь».

В это же время и отдел пропаганды кое от чего надежно застраховался.

Узнают раз в отделе о том, что в городе афиша появилась: образуется, дескать, краеведческий клуб «Лемех», желающих приглашают на первое собрание. Пошли работники отдела на улицу читать афишу, проверять, нет ли чего дурно влияющего. Прочитали раз — не обнаружили. Прочитали помедленнее — ан есть. Одна из целей клуба такая: «Не допустим гибели ни одной иконы, старой книги, сооружения, украшенной прялки, дуг и проч.».

Засовещались пропагандистские работники, завысказывались.

— Как бы тут секта какая не образовалась! — догадался один.— Попадет нам, товарищи, за эту секту!

— Секта — это еще что! — растолковал другой.— Вот видите, написано «и проч.». А вдруг это что-нибудь такое, что и подумать страшно, а?

Пришли тут все к единому мнению и во главе с заведующим отделом товарищем Покрышкиным на собрание «Лемеха» пошли. Собрание объявили закрытым, а «Лемех» — распущенным.

Могло бы процвесть в Каргополе и неслыханное доселе распитие очень вредных для общества и для здоровья отдельных трудящихся напитков, если б никто его не предугадал.

А предугадал его секретарь райкома по идеологии товарищ Смирнов. Он узнал, что в городе существует молодежное кафе «Радуга». Но не только это узнал товарищ Смирнов. Он узнал, что там проведено уже четыре вечера, и поэтому сразу уже удивился, как это никому не пришло в голову, что в пятый раз в кафе могут появиться первые перепившие, в шестой — первые передравшиеся, а после седьмого райкому придется отвечать за свершившиеся события.

На всякий случай закрыли и кафе.

А еще неизвестно, что могло стрястись в районе от чуть было не услышанных там звонов.

Звоны были ростовские, колокольные. Записали их в Ростове Великом за их музыкальные прелести на пленку и в город Каргополь привезли. Москвичи привезли, из московского клуба «Родина». Хотели лекцию прочесть на древнерусские темы и пленку ту прокрутить.

К лекции каргопольские идеологи отнеслись неодобрительно, но состояться ей позволили. А вот о звонах спросили:

— А что, звон этот так вот прямо и звучит?

— Так,— сказал лектор.— Звучит.

Заколебались каргопольцы. Неизвестно еще, что могло услышать в этом звоне опекаемое население. А если нездоровые, сомнительные, а то и вовсе неправильные нотки?

Правда, тут кто-то вспомнил, что где-то уже слышал ростовские звоны, но на него даже немножко и обиделись за это.

— Слышал звон,— упрекнули его,— а не знаешь, где он! А мы тут, не поглядев в святцы, и бухнем не в те колокола!

Сказав это, колебаться перестали и население от чего-то оградили, хотя и не сумели сформулировать, от чего.

Потом только, после лекции, слышавший звон вспомнил, что слышал его по радио из Москвы, и каргопольские работники удивились. И пожалели Московское радио за его рискачество, не доводящее до добра. «Достукаются!» — сказали сочувственно.

Вот видишь, дорогой читатель, как важно заранее уберечь себя от неприятностей. Разве сможет кто-нибудь теперь обвинить две упоминавшиеся уважаемые каргопольские организации в попустительстве религиозным фанатикам? Или в потакании морально-бытовым формам разложения? Или в насаждении чего-то, что не сформулировалось? Нет, не сможет. Бог, он такой индивидуум, что всегда бережет бережено.

Тут даже так вышло. Я еще и фельетона-то этого не успел написать, как из Каргополя пришла в редакцию бумага с красивым бланком. «Для сведения и ориентировки»,—гласила бумага.

Бумага была обо мне. Заранее сообщалось, что я произвел в Каргополе не то впечатление, какое нужно, и есть подозрение, как бы я потом не написал в журнал неправильный фельетон.

Я принял это к сведению и, когда фельетон был готов, на всякий случай тщательно просмотрел рукопись несколько раз подряд. И уж думал было, что все в порядке, как вдруг обнаружил в тексте трижды написанное слово «бог»...

Ну, так вот: бога нет! Бога нет! Бога нет! Это я трижды заявляю. А то как бы чего не вышло...

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Каргополь,
Архангельской области.

А НА УЛИЦЕ НЕЛЬЗЯ...

Подходя к базе, грузчик Нефедов тихонько ругнулся. Так, в полсилы, для прочистки горла. В проходной, столкнувшись со своими товарищами, Нефедов выругался уже крепче и громче. Так, в шутку, вместо приветствия. Отвечали ему вразнобой, но тем же. Так, в порядке солидарности.

У склада № 2 Нефедова минут пять энергично строгал отборными словесами бригадир. Так, профилактики ради.

Уже бодрый Нефедов окончательно взбодрился и, набросившись на штабель ящиков, стал швырять их на транспортер, не забывая напутствовать. Так, вместо «Дубинушки».

После обеда зазевавшийся Нефедов обронил на ногу ящик с ванильными пряниками. И до конца рабочего дня под гулкими сводами склада № 2 слышалось его звонкое нецензурное соло.

На остановке, где Нефедов спокойно дожидался трамвая, ему на зашибленную ногу нечаянно наступил неказистый мужичок из деревенских.

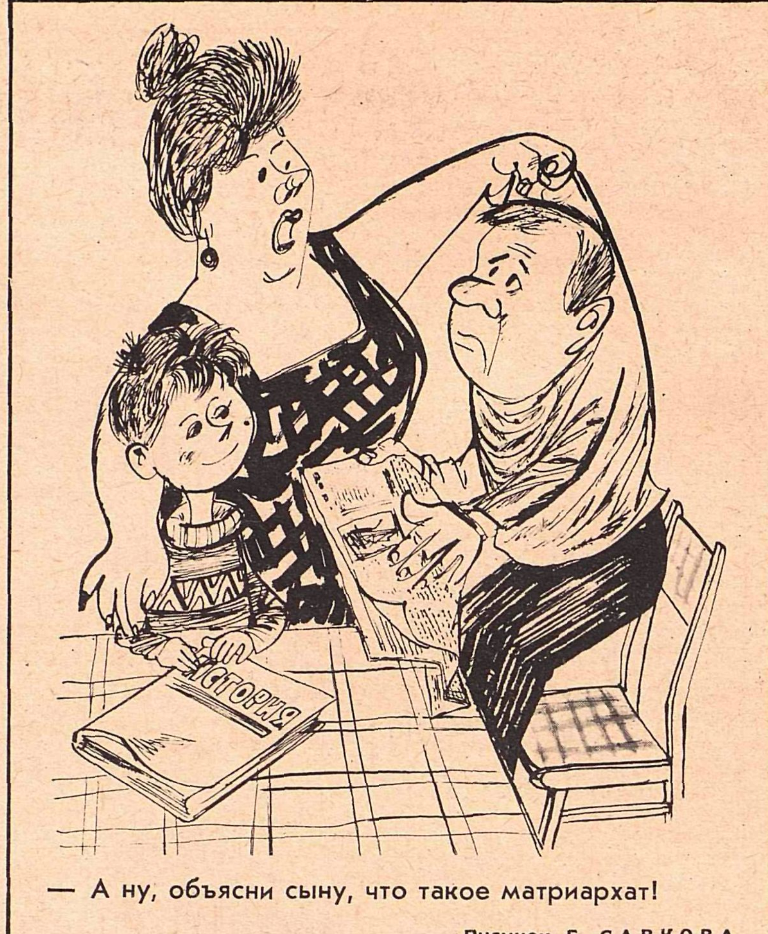
— Ты что же, черт, на ногу прешь?!.— вскричал Нефедов.

И все. Почти на французском языке.

Иначе на улице нельзя. На улице можно, согласно Указу, неприятности схлопотать. Это вам не на работе!

А. СУББОТА

(«Ленинец», г. Уфа).

— А ну, объясни сыну, что такое матриархат!

Рисунок Б. САВКОВА

По хутору Никульчев близ Нижнянки ходил человек. В домах его встречали приветливо. Улыбались, ставили на стол вкусно пахнущий топленым молоком казачий каймак.

— Ну как,— гутарил гость,— соскучились, небось, по очагу культуры?

Хозяева разводили руками: еще бы! Ведь в Никульчеве не было даже такого очажка, где бы можно было полистать комплект «Огонька» или выявить местного Капабланку.

— Тогда трешницу выкладывайте,— весело говорил гость.— Сами будем клуб строить.

Хозяева выкладывали трешницу. Человек шел дальше. Сумма получалась кругленькая. Ее хватало на приобретение материалов.

Скоро начались воскресники. На воскресниках возводили стены будущего очага. В паузах пели звонкие песни на трудовую тематику. Всем было весело, все улыбались. А по вечерам пили из самовара чай и предвкушали, как будут смотреть в новом клубе картины с участием заслуженного артиста Ю. Никулина. Еще всем грезились вечера отдыха, популярные лекции о жизни на Марсе, читательские конференции по журналу «Крестьянка». Девушки, вернувшись с воскресника, наглухо задраивали в домах ставни и тайно репетировали вальс. Потом подлизывались к бабушкам.

— Бабушка,— просили они,— научи чарльстон танцевать.

— Чего? — подозрительно спрашивали бабушки и махали на внучек руками. Они растроганно мечтали, как увидят на старости лет хоть какой-нибудь концерт.

Наконец очаг был готов. Не было лишь кинобудки, киномеханика, стульев, печей и некоторых других частностей. Хуторяне подумали и снарядили делегацию в центральную усадьбу своего совхоза к председателю рабочкома В. А. Ржавскову.

Председатель рабочкома Ржавсков подсчитывал членские взносы.

— Теперь-то у нас будет кино? — оптимистично спросили хуторяне.

— Будет,— сказал Василий Александрович.— Будет вам и будка, будет и кино.

Обрадованная делегация отправилась восвояси. Летели дни. Клуб внутри красиво покрывался инеем. Кино не было. Будки тоже не было. Девушки не задраивали больше ставен и не приставали к старухам с просьбами о чарльстоне. Где-то тосковал местный Капабланка.

Как-то на хутор заглянул директор совхоза Н. Н. Иванов. Директора окружили. Вопрос о клубе дискутировался бурно. В воздухе летали испуганные сороки.

— Тише! — прокричал директор и прибавил, когда все умолкли: — Вы за кино? И я за кино. Вы за вечера отдыха? И я за вечера отдыха. Стало быть, разногласий у нас нет. Но вот я вас спрашиваю, милые сограждане: сколько вас человек на хуторе?

— Полторы сотни.

— Ага, полторы сотни. Выходит, можно повременить. Полторы сотни — не три тысячи. А культура не молоко, без нее не похудеешь.

— Минуточку! — ехидненько спросил бородатый старик.— А что, товарищ директор, есть разве такое положение, чтобы для культурно-массовой работы кворум был?

Директор присвистнул: ишь, куда хватил старик! Но для того, чтобы клуб работал, нужно делать будку и печи, завозить стулья, искать киномеханика. А это хлопотно. Было бы еще тысячи три хуторян — тогда другое дело. А так — подождать могут.

Николай Николаевич не одинок. Есть у него единомышленники, которые считают, что потребность в культуре можно сократить пропорционально числу жителей.

Представим на минутку, что в районном городке Серафимович пять календарных дней не работала ни одна киноустановка.

— В наш-то век? — наверняка поднимет брови житель города В. З. Коновалов.— Это где десять тысяч жителей? Шутите!

А вот в хуторах Серафимовичского района — Никульчеве, Нижнянке, Посельском, Дворках, Пимкине — по полгода не бывает ни кино, ни вечеров отдыха, ни лекций. Секретарь райкома В. З. Коновалов хорошо знает об этом, но брови поднимать и не думает. Хуторов в районе много, не будешь же весь день только и заниматься тем, что бровями махать!.. Даже и неприлично как-то для руководителя...

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Серафимовичский район,
Волгоградской области.

ГОЛОС ДАЛЕКОГО ПРЕДКА

Не знаю, какие фрукты вызревали на развесистых ветвях моего генеалогического дерева. Может быть, я прямой потомок Владимира-Красное Солнышко, может — Чингисхана, может — артиста Хенкина. Мне это неизвестно. Но зато твердо знаю одно: из-за моего легкомысленного отношения к подбору и расстановке предков в их число затесался мелкий московский купчишка-барышник.

Вы спросите, как я об этом узнал. Из-за наличия проклятых пережитков в моем отсталом сознании. А обнаружилось все это в прошлое воскресенье, когда я с женой зашел на Птичий рынок, где торгуют щеглами, рыбками, собаками и прочей живностью.

Именно тут, на рынке, вдруг подходит ко мне гражданин лет двенадцати на вид с невероятным количеством веснушек, которые расположились на его физиономии в три наката. Берет меня за локоть и тащит куда-то в сторону.

— Тебе чего? — заорал я, испугавшись его веснушек.

— Цыц! — сурово прошептал он.— Пойдем! Есть дело! Не пожалеешь!

У меня внутри что-то екнуло. Мне показалось, что где-то рядом взмахнула крыльями моя фортуна.

— Побудь здесь,— шепнул я жене и пошел за парнем.

Он завел меня за забор, притянул к себе мое ухо и жарко дыхнул:

— Только цыц! Есть по случаю пара крупнобородавчатых. Отдам по дешевке.

И вот тут-то я сразу почувствовал, как во мне заерзал и засуетился далекий предок-купчишка со всей своей частнокапиталистической психологией. Но я притворился совершенно равнодушным: голос крови и рыночная конъюнктура подсказали, что нельзя проявлять перед продавцом своих эмоций.

— Лягушки, что ли? — пренебрежительно спросил я.

— Дура! — обиделся продавец и, снова притянув к себе мое ухо, шепотом пояснил: — Только цыц! Жабы! Пара: самец и самка. По случаю.

У меня закружилась голова и заполыхали уши. По интонации продавца, по его манере поведения, по той глубокой тайне, которой он окружил процедуру сбыта своего товара, я понял, что он держит в своих руках мое счастье. Но голос крови моего предка продолжал диктовать мне линию поведения.

— Жабы! — иронически воскликнул я.— Ха-ха! Удивил! Плевал я на твоих жаб! У меня у самого дома... этот... жабий инкубатор. Я их сам сотнями высиживаю. Но, конечно, могу тебя выручить: лишняя пара жаб не помешает, если сойдемся в цене. Сколько ты хочешь за своих головастиков?

— Дура! — убежденно повторил юный барышник.— Дура и врун! Жаб не высиживают, они икру мечут. А если тебе товар не нужен, так и скажи. И нечего человеку голову морочить. Только потом не жалей. В ногах будешь валяться — не отдам.

Он равнодушно сплюнул и, не оглядываясь, пошел в сторону.

Я понял, что перегнул палку: мое неверное счастье уходило от меня. Махнув рукой на выработанную линию поведения и проявив слабохарактерность, я побежал за парнем.

— Что? Обиделся? — неискренне захохотал я и дружелюбно хлопнул его по плечу.— Ладно, давай разговаривать по-деловому. Сколько ты хочешь за своих мелкобородавчатых?

— Крупнобородавчатых, — мрачно поправил меня парень.

— Сейчас таких жаб, как у меня, днем с огнем не найдешь. Короче: рубль пара. Только для тебя. Потому что вижу: специалист и любитель.

Я внутренне возликовал. Во-первых, мне льстило, что парень признал во мне специалиста по жабам. Во-вторых, не будучи искушенным в рыночной конъюнктуре вообще, а в котировке жаб в частности, я был готов услышать цену, равную стоимости по крайней мере мебельного гарнитура. А тут вдруг рубль! Но во мне снова заговорил голос далекого предка: находясь на рынке, каждый уважающий себя покупатель обязан торговаться.

— Рубль?! — сказал я, сделав вид, что у меня перехватило дыхание от удивления.— Да мне за рубль... эту... кобру продавали. Выше средней упитанности. Понимаешь, кобру? А ты за свою мелочь рубль просишь!

— Они не мелочь. Они крупные,— снова обиделся парень,— я их гречневой кашей кормил.

— Ладно, — миролюбиво сказал я,— покажи товар.

Парень вынул из-за пазухи завязанный двумя узелками платочек, похожий на тот, в котором верующие старушки носят просвирки, аккуратно развязал его, и я наконец увидел предмет купли-продажи: двух окончательно обалдевших от духоты жаб.

— Берешь? — спросил парень.

По тому, как во мне с новой силой засуетился мой предок, я понял, что процедура сделки входит в решающую фазу.

— Уступишь,— может, и возьму,— как можно более равнодушно сказал я, сдерживая сердцебиение.

— Сколько дашь? — понуро спросил парень, и я понял, что он готов сдаться на милость. Во мне буйствовала и ликовала купеческая кровь предка.

— Двадцать копеек! — жестко произнес я.

— За штуку? — с надеждой спросил парень.

— За пару! — Мой голос звенел, как металл.

— Давай тридцать! — Парень уже не предлагал, он умолял.

— Двадцать! — повторил я. Это было уже не предложение, а ультиматум.

— Забирай! — махнул рукой парень и перегрузил жаб из своего старушечьего платочка в мою перчатку.

Я отдал ему двадцать копеек. Потом, боясь, чтобы он не передумал, быстро отыскал жену и повел ее к выходу.

— Ты понимаешь,— горячо шептал я,— купил буквально за бесценок. Двух чудесных, откормленных гречневой кашей жаб за каких-нибудь двадцать копеек.

— А что мы будем с ними делать? — спросила практичная жена.

— Как это что? — немного растерялся я.— Что захотим. Можем растить их дальше... Получим от них потомство... Будем кормить гречневой кашей...

— А выбросить их можно? — поинтересовалась жена.

— Не говори глупостей! — обиделся я.— Если ты не в состоянии осмыслить моей удачи, я их лучше сразу продам. У меня их с руками оторвут... Вот смотри...

И я таинственно поманил к себе какого-то щуплого пацана.

— Чего? — спросил он и вытаращил на меня глаза.

— Цыц! — сказал я шепотом.— Молчи, дура. Могу предложить по случаю пару крупнобородавчатых... Отдам по дешевке. Рубль за пару.

И я сунул ему под нос своих жаб.

Парень заинтересованно потыкал их пальцем... Я подмигнул жене. В воздухе запахло нетрудовой прибылью. Во мне с новой силой заворочался оборотистый предок.

— А на фиг они мне? — вдруг спросил парень и брезгливо вытер палец.

— То есть как? — растерялся я.— Ты понимаешь, что говоришь, дура! Потом в ногах валяться будешь — не отдам. Бери, пока не поздно.

— Ладно! — миролюбиво сказал парень.— Можно попробовать. У меня дома уж в ящике живет. Лягушек он уважает, а насчет жаб — не знаю. Гони полтинник — и я попробую скормить твоих жаб моему ужу.

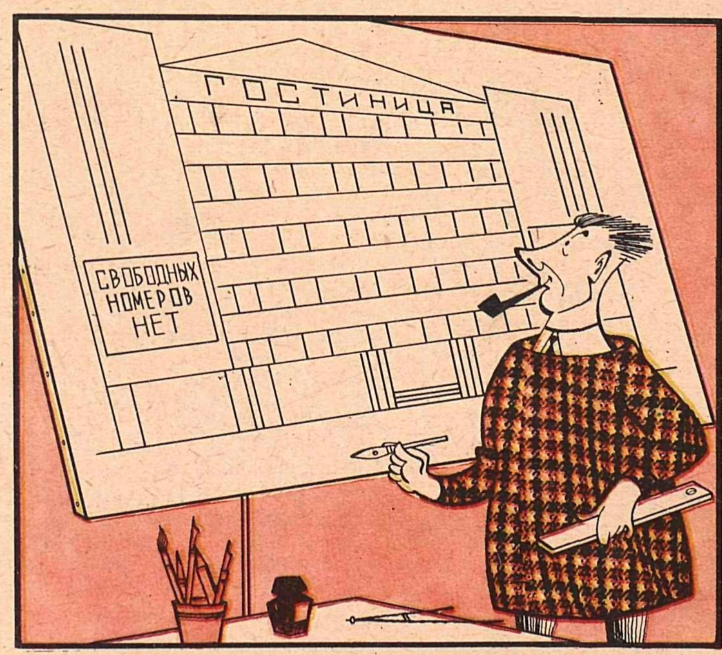
Я готов был вспылить и сказать начинающему спекулянту все, что я о нем думаю, но тут вмешалась жена.

— По-моему, этот ребенок просит недорого,— шепнула она мне.

— Цыц! — по привычке сказал я и углубился в себя, прислушиваясь к голосу своего предка. Но предок молчал. Видимо, он сам был в недоумении: таких сделок ему заключать не приходилось.

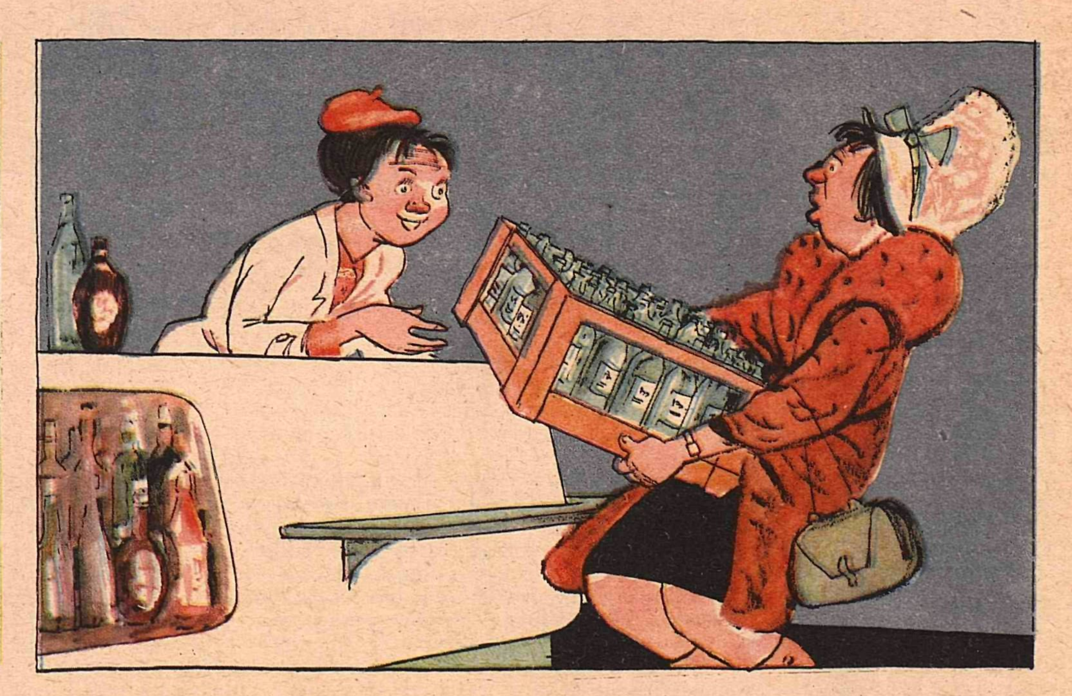
И вы знаете, когда я по-настоящему понял, что такое удача? Это произошло в тот момент, когда я запихал парню в карман своих жаб и вручил ему полтинник.

Что же касается голоса моего бойкого и оборотистого предка, то впредь я буду относиться к нему крайне критически.

Предусмотрительный проектировщик.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— У вас свадьба?
— Нет. Ремонт квартиры...

Рисунок Г. ИОРША

Тайна импортной ручки

и другие тайны

Вам необходимо купить кресло-кровать. Как узнать, есть ли такое кресло в мебельном магазине?

Это не трудно. Поезжайте в магазин, зайдите внутрь и окидывайте взглядом имеющуюся там мебель. Если ваш взгляд требуемого предмета не найдет, разыщите продавца и спросите у него. Я говорю «разыщите», потому что прилавков в магазине нет. Продавцы смешаны с толпой покупателей, одеты во что-то темное и не торопятся раскрыть свое инкогнито.

Заглядывая во все углы магазина, натыкаясь на мебель, на людей, поминутно извиняясь, вы в конце концов найдете продавца. Вот он, в синем халате, скрестив руки на груди, притаился за книжным шкафом и молча слушает спор членов многочисленной семьи. Члены дебатируют вопрос: покупать шкаф или нет? Вы радостно кидаетесь к продавцу: «Скажите, есть ли у вас?..» «Я занят!» И вы понимаете, что вам не удастся вырвать у продавца признания насчет кресла-кровати, пока он не сочтет себя свободным. И вы ждете. Сначала вы ждете конца дебатов: шкаф решили купить. Затем вы ждете, пока продавец выпишет квитанцию. Но, выписав, он куда-то идет, и вы бежите за ним, натыкаясь, извиняясь и боясь потерять его из виду.

Вы не одиноки. Еще несколько покупателей, завидев показавшегося из-за шкафа продавца, кидаются ему наперерез, задавая вопросы, но, не получив ответов, затихают, дают продавцу дорогу и смиренно бегут за ним следом... Наконец продавец пойман, удержан, вопрос задан, ответ получен: кресел-кроватей нет и когда будут — неизвестно.

Найдутся, конечно, люди, которые скажут: неужели нельзя сделать так, чтобы покупатель тратил меньше сил и времени на добывание этой нехитрой информации? Почему бы, например, администрации магазина не вывешивать на входных дверях перечень имеющихся в продаже товаров? Человек подошел, прочитал и, не заходя в магазин, пошел себе дальше... Так почему же администрация?..

Но я этого вопроса не задаю вот после какого случая. Группа людей мерзла на улице, ожидая, когда откроются двери галантерейного магазина. И я стала мерзнуть со всеми. Потом дверь распахнулась, и мы ступили на заветный порог. И тут же попятились. Оказалось, что три отдела из четырех закрыты на учет.

Ну почему бы эти сведения насчет закрытых на учет отделов тоже не вывесить у входных дверей? Ах, спасибо, спасибо, скажет директор магазина, выслушав меня, а мы-то сами и не додумались! Но директор этого не сказал. Он пожал плечами: «В чем дело? Объявление висит». «Да, но внутри магазина, а не у входа». На это директор вообще ничего не ответил, и что-то непроницаемое появилось в его лице...

Я склонна к самокритике. По дороге домой я пыталась найти изъяны в моем предложении, к которому так холодно отнесся директор. Изъянов я не нашла. Оставалось предположить одно: у администрации есть свои соображения, свои маленькие тайны, нам, простым смертным, недоступные...

Недавно сломалась моя любимая авторучка. «Пустяк! — говорили друзья.— Отремонтируйте, и все тут!» «Пустяк!» — легкомысленно думала и я. Но когда я увидела длинную очередь в коридоре комбината бытового обслуживания, устремленную в комнату, где чинили авторучки и заправляли шариковые, я подумала: нет, это не пустяк! И я встала в хвост, и уже через минуту на моем лице появилось выражение кротости, смирения и покорности судьбе, какое было написано и на других лицах... Минут через двадцать я попала в комнату, где чинили и заправляли. Все ближе я подвигалась к окошку «Ремонт ручек», и вот еще немного, и я смогу узнать, что именно нацарапано на клочке бумаги, вырванном из записной книжки и приколотом к окошку... Этот листочек с неразличимыми издали буквами смутно тревожил меня. И недаром. Приблизившись, я прочитала: «Импортные ручки в ремонт не принимаются».

Моя ручка была импортной.

Если б не случай в галантерейном магазине, я кинулась бы к директору. Я поделилась бы с ним одной простенькой идеей: а не вывесить ли сообщение насчет импортных ручек у входа в комбинат, чтобы владельцы таких ручек и носу сюда не совали? Но я уже знала, что директор к этой идее отнесется холодно. Я уже понимала, что действиями администраторов руководят какие-то высшие соображения, нам, простым смертным, недоступные...

Чем же все-таки объяснить это упорное сокрытие информации, эти маленькие тайны, рождающие большие очереди? Почему, например, администратор кинотеатра утаивает от предлинной очереди тот немаловажный факт, что билетов на всех не хватит и ждать нет смысла? Что мешает администратору время от времени объявлять в микрофон о числе оставшихся билетов? Ума не приложу!

Можно еще объяснить поведение продавщицы единственного в сельской местности магазина. Она может таинственно исчезнуть в рабочее время, повесив на двери замок, не приколов записку, совсем ли она ушла или на время, и если да, то на какое. Дело в том, что у сельской продавщицы глубоко укоренился взгляд на покупателя, как на существо бесправное. Одной такой продавщицей этот взгляд был сформулирован с предельным лаконизмом: «Вам надо — вот и стойте». Все это можно объяснить, например, тем, что цивилизация едва коснулась такой продавщицы, и простые истины об уважении к чужому времени, к своему времени и вообще к времени ей пока недоступны. Но ведь тут-то мы говорили о людях цивилизованных — о директорах, об администраторах. Их-то не заподозришь в отсталости. Почему же многие из них не шевельнут пальцем, чтобы избежать бессмысленных очередей?

Я давно ломаю голову над этим вопросом. И безрезультатно.

Н. ИЛЬИНА

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Н. И. Щепина заказала зимние сапожки летом в надежде на то, что уж к зиме-то они будут наверняка готовы.

Мастера кемеровской фабрики индивидуального пошива и ремонта обуви № 3, куда она обратилась, заверили ее, что сапожки на цигейковом меху будут оставлять дивные следы на первом кемеровском снегу.

Но вот и лето пролетело, а за ним и осень. Вот и первый снег выпал. И появилось на нем много разных следов. Были среди них и следы летних туфелек гражданки Щепиной.

— Потерпите еще месяц,— уговаривали погрустневшую Щепину на фабрике,— тогда и снега будет больше и сапожки придутся кстати.

Через месяц действительно снега поприбавилось, и на нем наконец появились легкие следы долгожданных сапожек Щепиной. Они вели от дверей фабрики. Их рисунок был четким и радостным. Но вдруг что-то изменилось... Следы повернули в сторону фабрики, а на снегу, кроме очертаний подошв, появились обрывки ниток, кусочки меха и даже остатки каблучка.

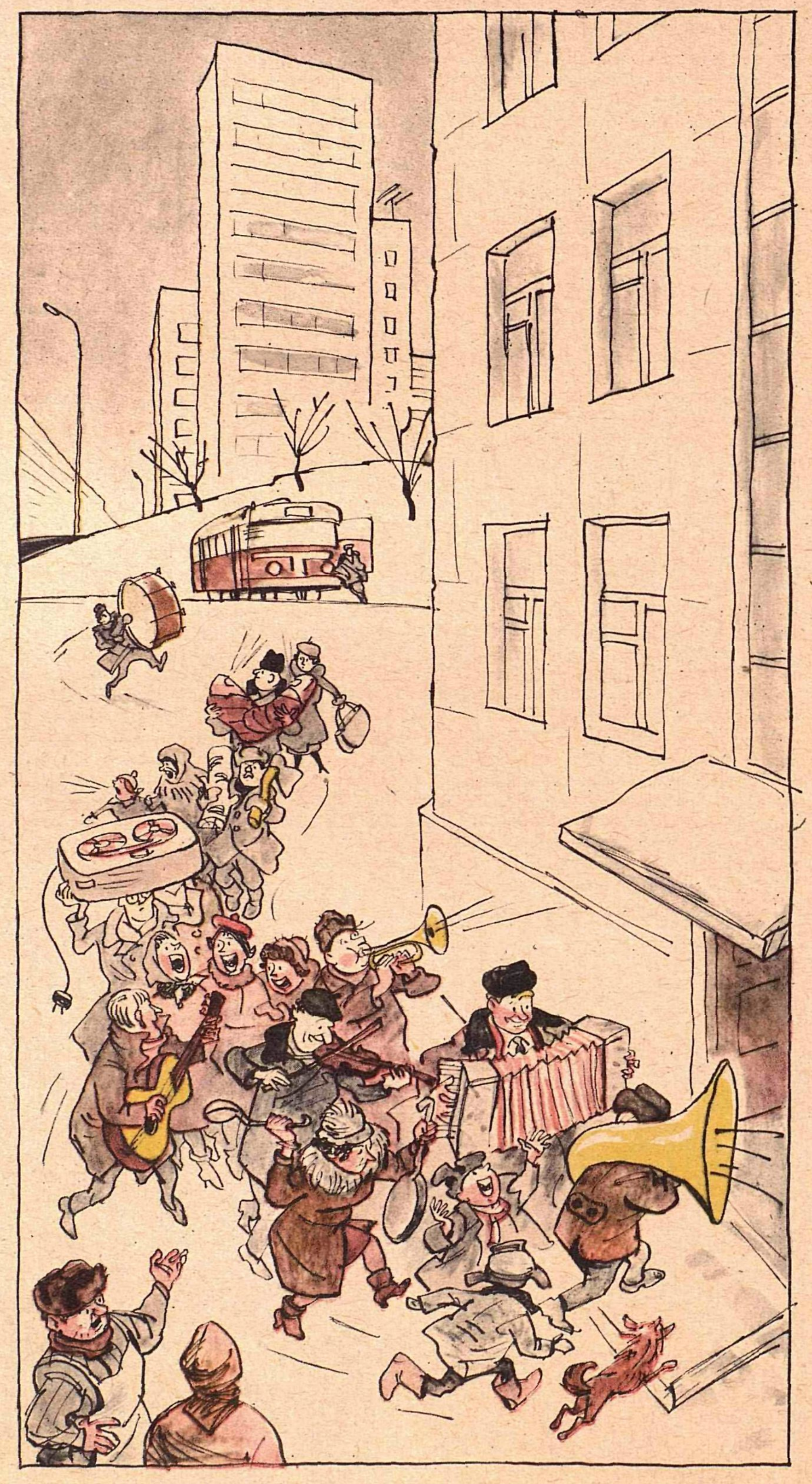
Чудом добралась гражданка Щепина до фабрики.

— Только-то и всего? — удивились там.— Да мы их вам мигом отремонтируем! Поверьте, время еще есть.

Щепина ушла с надеждой. И надежда наконец-то сбылась. В конце января сапожки были ей вручены.

А вы говорите — обещанного три года ждут!..

Н. ПАХОМОВА

— Новоселы идут проверять качество звукоизоляции.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

МАТРЕНА, ГДЕ ТЫ?

Телятница Матрена не вышла на работу. Это показалось председателю колхоза странным. Подобного раньше не случалось. Колхозницы в один голос заявили, что Матрена Петровна на здоровье не жаловалась. Вот и решил председатель лично проверить: в чем дело?

Заходит он в пятистенный Матренин дом, и... что представилось его взору, расскажем более подробно. На полу стояло множество кастрюль и чугунов. Немного поодаль корыто. В избе пар, дышать трудно. Посреди помещения маячила фигура дочери Матрены, восьмиклассницы Тани. Обернутая в белую простыню, она была похожа на привидение.

— Матрена, где ты? — закричал в испуге председатель.

Тут раздвинулась ситцевая занавеска, отделяющая предпечный тамбур, и оттуда тоже повалил густой пар. Затем до слуха Ильи Наумыча донеслись всплески воды и... появилась русалка. Самая настоящая русалка, обнаженная и с распущенными волосами. Это уж было слишком! Хоть и стойким мужчиной считал себя Илья Наумович, а тут схватил шапку в охапку и вон из избы.

Уважаемый читатель! Пусть у вас не возникает сомнения в правдоподобности описываемого случая, который, как утверждают жители деревни Окулово, произошел с их уважаемым председателем Ильей Наумовичем Спиваком. На первый взгляд интригующая история имеет весьма прозаический конец. На другой день между председателем и колхозницей произошел примерно такой диалог:

Председатель (подозрительно косясь на Матрену). Ты почему, Матрена, вчера не вышла на работу?

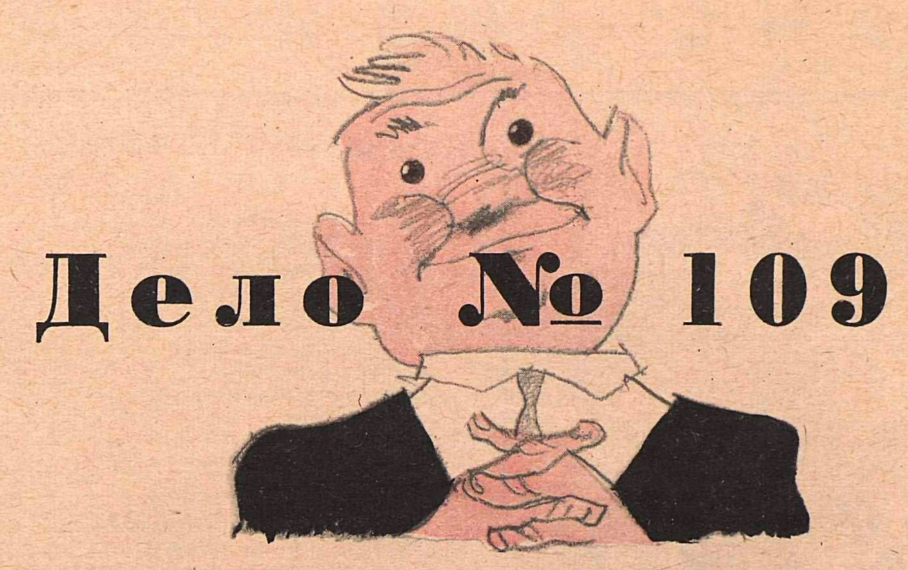
Телятница (опустив глаза). Дочку Таню купала. (Помолчав.) Заодно и сама побанилась.

Вот и вся разгадка... Многие жители сел Акулово, Пестенькино, Катышево и некоторых других моются в избах, у печки. Это дань старой традиции. Однако окуловцы и их соседи вовсе не собираются и дальше следовать дедовским обычаям. Они твердо хотят порвать с ними и даже записали в наказе своему депутату Илье Наумовичу Спиваку построить коммунальную баню. (Больницу на собственные деньги соорудили, клуб-дворец у них чуть ли не лучший в районе — чего же баню колхозу не построить!) Но правление колхоза во главе со Спиваком не торопится выполнять наказ избирателей.

С. ПАРФЕНОВ

Владимирская область.

Дело № 109

Ваня Кшнякин, кроткий человек с незатейливой военной стрижкой, радовался не только изданным романам, но даже и рукописям неизданных.

Самостоятельно, надо сказать, Ваня писал коряво. Испытывал затруднения в области слова. Поэтому сразу украсть роман не решался.

— Начну с малых форм,— подогревал себя Ваня.— Руку набить.

И в райцентре Атюрьево Кшнякин поступил в райгазету. Он освоил здесь метод простой и надежный.

Рассекретим. Райгазета Атюрьева состояла в крепких контактах с газетами братских республик. Был налажен обмен информацией. Так вот, вести из Латвии Ваня утаивал. Приходил пораньше и брал толстый конверт. Быстро-быстро уничтожал он в тексте названия латвийских сел и вставлял вместо них мордовские. Затем искоренял трудночитаемые фамилии прибалтов — вписывал коренные мордовские. Напоследок срезал фамилию автора и подписывал творчество: «Кшнякин».

Милое дело!

Когда же набил руку, освоил — ушел в телевидение. Там он еще больше отточил мастерство — и созрел для романа.

Романов написано много. Есть «Звук и ярость». Есть «Анна Каренина».

Как здравый человек, Ваня не решился стянуть что-либо у Фолкнера и Толстого. Понятно, прельщало то, что оба покойники, стало быть, не приедут, не нащелкают физиономию, но уж очень сложны старики. Надо начать с чего проще.

Ваня начал с Валентина Гринера.

Жил Гринер далеко, в Воркуте. В снегах вынашивал роман «Георгины» — из жизни генштабистов. Рукописи рассылал по издательствам. Один экземпляр Ваня украл. И перевел на мокша.

В спешке было не до стилистики («прошлое взломано ломами молний»), не до формализма («дайте мне девушку, синюю-синюю, я проведу на ней желтую линию»), не до техники («обожала Варя ус, слабый был у Вари ум, некий архивариус Варю свел в Аквариум»). Не до изящной словесности, в общем.

Кшнякин спешил. Споро и грубо перевел он роман. Запрятал в сумку и принес в журнал «Мокша».

Большое это дело — иметь чутье, красть не все что попало! Даже в нудном кшнякинском переводе книга себя оказала.

— Да,— двигали стульями в «Мокше».— Книга значительная. Ты откуда же, Ваня, эдак знаешь быт генштабистов?

— Уж знаю,— заплетал пальцы косичками Кшнякин.— Собирал матерьял.

Роман вышел в журнале «Мокша». Чуть спустя — и в Мордгизе. Читался роман в самых широких слоях населения, вплоть до судей, защитников и прокуроров в Саранском народном суде.

Короче, Ваню словили.

Но он продолжал воровать. И не только он. Бедствие ширилось.

— Что делать? — паниковали в «Мокше».

— С авторов брать расписки. С распискою просто: «Удостоверяю, что предложенная мною журналу рукопись является плодом собственного сочинения, а не...»

— Обижаться будут,— сказал Кузнецов, член редколлегии.— Жалобу напишут: «Окружив творческий актив атмосферой мрачной подозрительности...» Они это умеют!

Идею отбросили. Попробовали еще немножко верить людям. Выпустили очередной номер. И погорели! Ах, как погорели!

История восходила к пятидесятому году. Московский литератор Привалов перевел рассказ американца Хэта «Что их ждет впереди». Напечатал в «Смене». Сделал инсценировку.

Истек некий срок. Постаревший автор Хэт проживал все в той же Америке, не мог следить за авторским правом. Переводчик, занятый другими делами, тоже не мог уследить. И мордовский писатель Атянин принес в «Мокшу» пьесу «Тянь аф сёпсак» — «Это не скроешь». Иначе говоря, то же самое «Что их ждет впереди».

На Привалова Ф. Атянин ссылок не делал. Хэта похерил тем же порядком. Авторство взял на себя.

— Да,— прочитали рукопись в «Мокше».— Значительная пьеса. Ты откуда, Федор, эдак знаешь американский быт?

— Уж знаю,— заплел пальцы косичками Федор.— Собирал матерьял.

Пьеса вышла к читателю. В 1966 году ее прочли уже все, вплоть до судей, защитников и прокуроров Саранского нарсуда.

Но затем дело № 109 прикрыли. В «Мокше» сменился редактор, и дело из суда отозвал. Не надо, сказал редактор, обижать Федора, отрезать пути человеку. Шил ли он себе на мокшинские гонорары голубые пальто с воротником из обезьяны колобус? Нет, не шил, ходил исключительно в драповом, прокармливая свою семью. Вы говорите, пьесу Мариенгофа «Лесная девушка» он тоже... м-мм... это? Да, м-мм... это! Но из каких соображений? Из лучших.

Книжный голод велик, товарищи. А тиражи столичных изданий малы. Так будем приветствовать тружеников, перекладывающих прозу на мокша язык! Не беда, что фамилии они ставят свои. Зато текст тот же самый.

И оставим разговоры о кражах. Это грубо, нечутко. Речь может идти разве что о заимствовании, привлечении отдельных сюжетов, героев, сказуемых, образов и запятых. Корень зла, граждане, в том, что бывают провокации памяти. Прочитал книгу, забыл, потом нечаянно вспомнил, но уже кажется, что это твое. Сам все сейчас придумал. И пишешь.

Такие идут амортизационные разговоры. Вообще накопилось много претензий. До съезда писателей еще есть время, можно успеть сформулировать.

Обратим свои взгляды к сфере искусств. Наиболее несчастливы тут прозаики. Смотрите: поэтам разрешается писать стихи «по мотивам» великих, и никто не кричит о краже. Пишут по мотивам Самеда Вургуна, Низами, Рудаки, Мицкевича, Лермонтова.

Композиторы опять же имеют право. Лепят попурри, фантазии на темы Чайковского, Сибелиуса, Моцарта и Сальери. И числится фантазия оригинальным произведением!

А попробуйте в прозе. Позвольте себе фантазию на темы Достоевского — сразу заслушают персональное дело.

Где ж справедливость?

Нет справедливости.

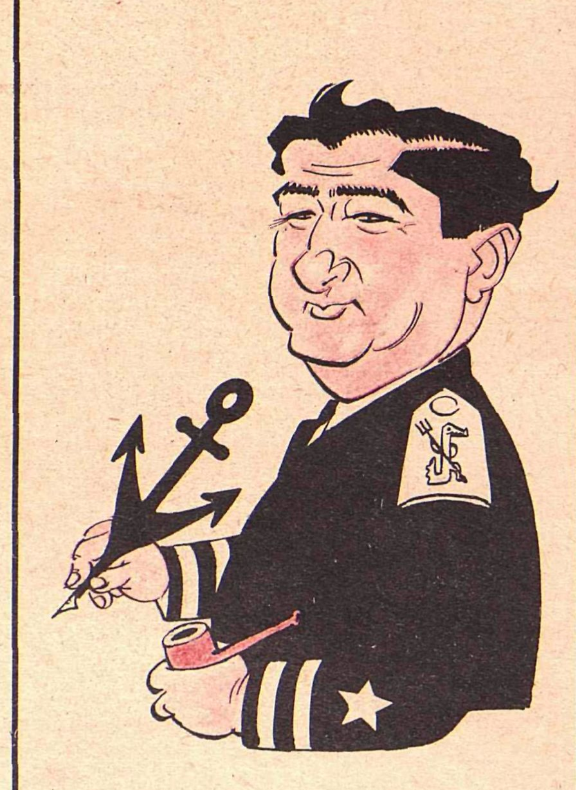
И читатель тоже знай топочет ногами: недоволен. Не понимает, что при первом рождении книга может пройти незамеченной, а при втором — с другим названием и фамилией другого автора — вдруг прогремит, тотчас обессмертится. В музыке это бывало.

То же бы и с прозой. Почему одним можно, другим нельзя? Пора прозаиков подравнять в правах. Не клеймить, не судить, а как раз узаконить, провести широкую позволительную кампанию с оглашением списка книг, годных для кражи.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Саранск,
Мордовской АССР.

БОРИС СИБИРЯКОВ

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

ИЗ МУХИ

Куплеты

Пускай в теории изъяны,
но мухи думают, что, мол,
как человек от обезьяны —
от мухи слон произошел.
И до сих пор гуляют слухи,
что непосредственно из мухи,
без переходного звена,
когда-то сделали слона...

* * *

...Читаю запись в книге жалоб:
«В столовой грязь. Со стен течет.
Кормить почище не мешало б.
Тут мухи падают в компот».
Ответил зав:
«Скажи на милость!
К стакану муха прислонилась!
Зачем тут жалоба нужна?
Из мухи делают слона!»

* * *

Слон возвратился, как обычно,
что называется — хорош,
но не ругался неприлично
и не устраивал дебош.
И вдруг ему слониха — в ухо:
— А ну, дыхни! Да ты под мухой!
А Слон считает, что жена
из мухи делает слона.

* * *

Охотник — шапку на макушку,
отставил кружку
и понес:
— Так вот, беру слона на мушку!
Трах-бах! Копыта! Хобот! Хвост!..
Не придирайтесь к этой фразе.
Рассказ охотничий. И разве
одни охотники спьяна
из мухи делают слона?

ПРО ФОМУ И ПРО ЕРЕМУ

Про Фому и про Ерему
время правду рассказать.
Кто они один другому?
То ли сват, а то ли зять.

Говорят односельчане,
что Ерема и Фома
часто темными ночами
глушат рыбу,
и скучает много лет по ним
тюрьма.

Что ж инспектор рыбнадзора?
Говорят, что он обжора.
С ним не первый штоф распит...
...Жмут на весла оба вора.
А инспектор дома спит.
Кто же рыбу защитит?

И решили рыбы:
— Сами
будем мы инспекторами.
Мы такие примем меры,
что поплачут браконьеры!

...Вот Фома с Еремой в лодке.
Приготовлен динамит.
Подведен фитиль короткий.
То-то знатно загремит!

Говорит Фоме Ерема:
— Да, уж будет нынче грома!
Мы уйдем с хорошим грузом.
Как оно сейчас рванет,
так вся рыба кверху пузом,
кверху пузом поплывет!..

Но Ерема и Фома
не заметили сома.

Между тем восьмипудовый
подошел под лодку сом
и, не говоря ни слова,
как мотнет своим хвостом,
как махнет своим усищем!
Лодка сразу кверху днищем.

Тут Ерема стал тонуть,
Фому за ногу тянуть.
Вот Фома пошел на дно,
А Ерема там давно.

До утра сома-героя
славил рыбий коллектив.
А наутро под водою
состоялся рыбий сплыв
по вопросу по такому:
пусть решает большинство,
как Фому и как Ерему
наказать за воровство,
за грабеж и за разбой
на воде и под водой.

Предложила рыба-меч
пополам воров рассечь.

Показала зубы щука:
— Дай-ка их пощекочу-ка!

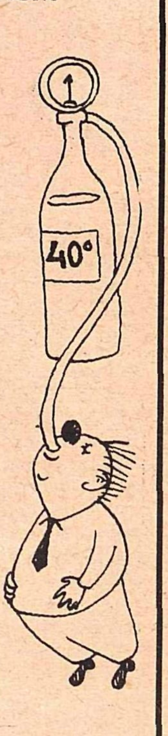
— Для щекотки и ерши
тоже очень хороши!

Тут Ерему и Фому
взяли рыбы под микитки
и, чтоб не были в убытке,
дали им леща в корму.

Нет Фомы и нет Еремы.
Отдыхают водоемы...

Сказка — ложь, да в ней намек,
добрым молодцам урок.
А недобрых молодцов
Надо гнать в конце концов!

МЕХАНИЗМ И ОРГАНИЗМ

Приятель мой Степан Кузьмич
купил автомобиль «Москвич».

Хотя прошло немало лет,
автомобилю сносу нет.

Его хозяин бережет.
Всю зиму, до весны
ему на грудь и на живот
кладет манто жены.

Зовет механика-врача
и лечит сердце «Москвича».

По норме — масло и бензин.
Зарядка в нужный срок,
чтоб много лет и много зим
«Москвич» проездить мог.

* * *

Я приложил немало сил,
но не сумел достичь,
чтоб за собою так следил
мой друг Степан Кузьмич.

Он носит брюхо напоказ
и выпить не дурак:
почти пол-литра водки враз
он заливает в бак.

Совсем себя не бережет:
в день сигарет полсотни жжет,
играет в карты по ночам
жене наперекор,
а после признается сам,
что «барахлит мотор»...

Не знаю механизма
дороже организма!

ОРЛЫ

Назвал орлами
летчиков народ.
Но время шло.
Теперь — наоборот:
орел орленка
хвалит на Памире:
— Ну прямо не орел,
а самолет
«ТУ сто четыре»!

Из югославских поэтов

Густан КРКЛЕЦ

Странно

— Странно,— рассуждал один поэт,
глядя, как дымок из трубки курится,—
жив поэт — ему квартиры нет,
а помрет — подарят даже улицу.

Весна ПАРУН

Пережитки

Кошка мышке:
— Я тебя поймаю
и как надо перевоспитаю.
Если же в процессе воспитания
превращу тебя в продукт питания,
ты не удивляйся в этом случае:
пережитки прошлого — живучие.

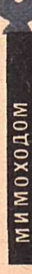
Влада БУЛАТОВИЧ—ВИБ

Хулиган

Природа, если б ты к его воловьей силе
в придачу бы дала
и ум вола,—
на нем бы хоть пахали и возили...

— Сцена дуэли в этой опере зазвучит по-новому...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Правда все равно всплывет, но это не значит, что ее надо топить.

Не дрожи перед начальством мелкой дрожью. Начальство может ее просто не заметить.

Хорошую мысль можно и по миру пустить.

Если твой жребий жалок, брось его и выбери что-нибудь получше.

В лесхозе производили уборку леса от деревьев.

— Ваше семейное положение?
— Многосемейный.

Фильм прошел при огромном скоплении билетов в кассе.

— Как жаль, что мне сейчас не 15 лет: меня б тогда не пустили на этот фильм.

С микрофоном — певец, без него — микропевец.

Язык твой — враг мой.

В магазине самообслуживания был объявлен конкурс на лучшего покупателя.

—Не петушись,—сказал петух курице,— не женское это дело.

М. ГЕНИН

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

По случаю наступающего праздника Орест Николаевич отпустил сотрудников отдела пораньше и теперь сидел за письменным столом хмурый и недовольный. Слева от него лежала стопка поздравительных открыток, справа — записная книжка, раскрытая на букве «А».

«Ерунда какая-то... Вроде все могу. Годовой отчет — пожалуйста. Слезницу сочинить для Госплана — хоть сейчас. Опять же всякие там докладные, акты, справки... На поруки брали мы одного типа. Кто писал в нарсуд по поручению собрания? Я. За сына сочинение накатал. По дворянству восемнадцатого века... А тут сижу битый час — и ни с места».

Завотделом вздохнул и еще раз искоса глянул на купленные открытки.

«Подумать только, десять штук. И каждому надо написать что-то теплое, душевное, свое... Напишу-ка я, пожалуй, сначала адреса».

Авторучка бойко забегала по открыткам. Через несколько минут с адресами было покончено.

Орест Николаевич крякнул, прошелся по кабинету, закурил.

«А что, если текстик сочинить типовой и вписать его всем? Не станут же они съезжаться и сличать открытки... Толково!»

Он повеселел, бросил в форточку сигарету, достал чистый лист бумаги.

Но типовой текстик не сочинялся.

— Вам телеграмма,— проговорил вошедший почтальон.— Распишитесь.

«Вот это Васька! Где-то за Уралом скважину бурит, а не забывает друзей. Вспомнил, поздравил. И слова нашел, шельмец, какие следует... Да, это друг. Настоящий. Не оставит в беде».

Решительным жестом Орест Николаевич придвинул открытки и стал переписывать в них текст телеграммы.

«ТРИ. ГОРИН»

ДНЕВНИК ЛЮБИТЕЛЯ ПРИРОДЫ

11 октября. Сегодня выпал первый снег. Игристый, терпкий. В газетах пишут, что такого не случалось 20 лет. Для истинного любителя природы всякая возможность наблюдать редкое в ней явление — праздник. На радостях выпил.

12 октября. Снег растаял, и с гор побежали ручьи. Промочил ноги и для гармонии горло.

13 октября. От созвездия Гидра отвалилась звезда и припустилась к Солнцу. Комету обнаружили японцы. Их водка называется «саке». В гастрономе сказали, что саке в продаже не бывает. Пришлось удовлетвориться «Московской».

14 октября. Столкновение светил ожидается 21-го, а зарплату выдадут лишь 22-го. Доживем ли? Занял 10 рублей для приобретения солнечных очков, чтобы наблюдать катастрофу. Очков в магазине не оказалось. Купил что-то импортное, в зеленой бутылке.

17 октября. Комета подвела: отклонилась. По такому случаю решил долга не возвращать. Остатка его хватило на пиво.

18 октября. Кредитор пожаловался на меня в завком. Битый час объяснял завкомовцам межзвездные странности, и безуспешно. Червонец им дороже космических парадоксов! Заскорузли в предрассудках. После таких бесед на зубах оскомина и под языком горечь. Поневоле сполоснул рот «Зубровкой».

19 (вроде бы еще октября). В трамвае слышу.

1-й пассажир: «А как вы считаете, Иван Демьянович, поскольку наше будущее согласно диалектике совершенно безоблачно, то откуда будет идти дождь?»

2-й пассажир: «А так считаю, Демьян Иванович, что последует соответствующее указание начальства».

Ну что за ответ! Так и видишь канцелярскую крысу. Такому казенному сухарю и весна не весна, если нет соответствующей установки начальства. Наплевать ему на природу и на родную землю, для которой всякая сушь — боль великая. Горят хлеба, деревья роняют кроны, и почва морщится, словно шкура у дохлого слона.

Любя природу, я так живо себе все представил, что почувствовал себя самого частичкой природы, умирающей от жажды. А если каждый проявит сознательность и кинется спасать малое, то уцелеет все.

Не раздумывая больше, я сошел с трамвая, забежал куда-то и чего-то выпил.

«ЛИСТОПАД»

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Я физик. А кроме того, у меня есть хобби. Мое увлечение — коллекционирование сатирических рассказов о водопроводчиках. Таких рассказов у меня накопилось ровно 2 999 999 штук.

Для любознательных сообщаю: каждый второй папирус из египетских гробниц содержит юмористический рассказ о плохой работе водопроводчиков и первого водопровода;

в двадцатом веке на каждого писателя-юмориста приходится 25,7 рассказа о водопроводчике...

Может быть, я расталкиваю локтями других, но дайте и мне... про водопроводчика...

«Водопроводчик Полупьянов сидел в конторе ЖЭКа и играл сам с собой в домино. Было одиннадцать часов. Зазвонил телефон. Взволнованный женский голос просил о помощи: в квартире сорвало вентиль подачи горячей воды. Вода уже сочилась к соседям.

— Я занят,— профессионально твердо отчеканил Полупьянов.

— Спасите! Я отблагодарю вас,— умолял голос в трубке.

— Ну ладно,— процедил Полупьянов.

Через пять минут горячий источник в квартире гражданки Рукавициной был усмирен. Полупьянов вопросительно посмотрел на хозяйку и перевел взгляд на пустой стол. Рукавицина неожиданно выпалила: «Спасибо!» — и покраснела. Полупьянов брызнул слезой на рукав замасленной спецовки. В квартире запахло сивухой. Рукавицина нагло пожала ему руку.

Утром Полупьянов подал в суд на гражданку Рукавицину за оскорбление действием при исполнении им служебных обязанностей. Суд был не товарищеским. Водопроводчика посадили за вымогательство».

Уф!.. Вот он! Трехмиллионный! С удовольствием ставлю его в картотеку. Одновременно заверяю читателей: рассказа с таким трагическим концом в моей коллекции еще не было.

Впрочем, если не считать вот этой клинописи на камне — самого первого рассказа о нерадивом водопроводчике.

Там ему отрубили голову.

«А БЕЗ ВОДЫ...»

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

ТРИ ТОСТА

Самый просторный пивной зал в Мюнхене был переполнен. Когда-то здесь гремел фюрер. Сегодня сюда пришли его верные преемники — члены правления национал-демократической партии. Они чувствовали себя героями дня. Три буквы—НДП— были напечатаны теперь уже на тысячах избирательных бюллетеней и на парламентских креслах депутатов.

— Еще не то будет! Мы только засучили рукава!..— бахвалились собравшиеся.— А сколько нас запугивали трусы: «Не высовывайтесь раньше времени, а то запретят, разгонят, засудят!» Нас никто и пальцем не тронул!

— Мы все только себя расхваливаем,— сказал вожак компании Фриц Тилен,— а я не хотел бы, чтобы нас назвали неблагодарными...— Эти слова заинтриговали собравшихся, и в зале воцарилась тишина.— Предлагаю первый тост за федерального министра внутренних дел герра Люкке. Это он нас вовремя взял под защиту! «Я,— сказал он,— против запрещения НДП». Ясно и категорично. Да останется герр Люкке и впредь нашим ангелом-хранителем, а уж мы его не подведем!..

Но не успели они поставить кружки на стол, как раздался голос Адольфа фон Таддена, заместителя Фрица Тилена:

— Справедливость так справедливость. Воздадим должное и федеральному министру юстиции герру Хайнеману. Когда мерзкие либералы приперли его к стене вопросами, почему он не запрещает нашу НДП, он не растерялся, о нет! «Лишь в том случае,— объяснил он,— если какая-нибудь партия нарушит нашу конституцию, мы можем поставить перед федеральным конституционным судом вопрос о запрещении этой партии. Но, насколько я вижу, НДП такой ситуации не создала».

— Браво! Вот что значит знать конституцию назубок!

— Тем похвальнее, друзья мои,— заметил Тилен,— что, высказавшись против запрещения нашей партии, он тут же отказался снять запрет с компартии. Предлагаю выпить за Хайнемана. Пожелаем ему доброго здоровья, чтобы он всегда оставался на высоте положения.

Чокнувшись, друзья отхлебнули из кружек в честь еще одного федерального министра.

— Кажется, никого не забыли? — спросил Фриц Тилен.

— Забыли! — раздался голос старейшего участника собрания.

— Кого? — послышалось со всех сторон.

— Эрнста Леммера — уполномоченного боннского правительства в Западном Берлине.

— И то правда! — поддакнул Адольф фон Тадден.— Вы, конечно, имеете в виду...

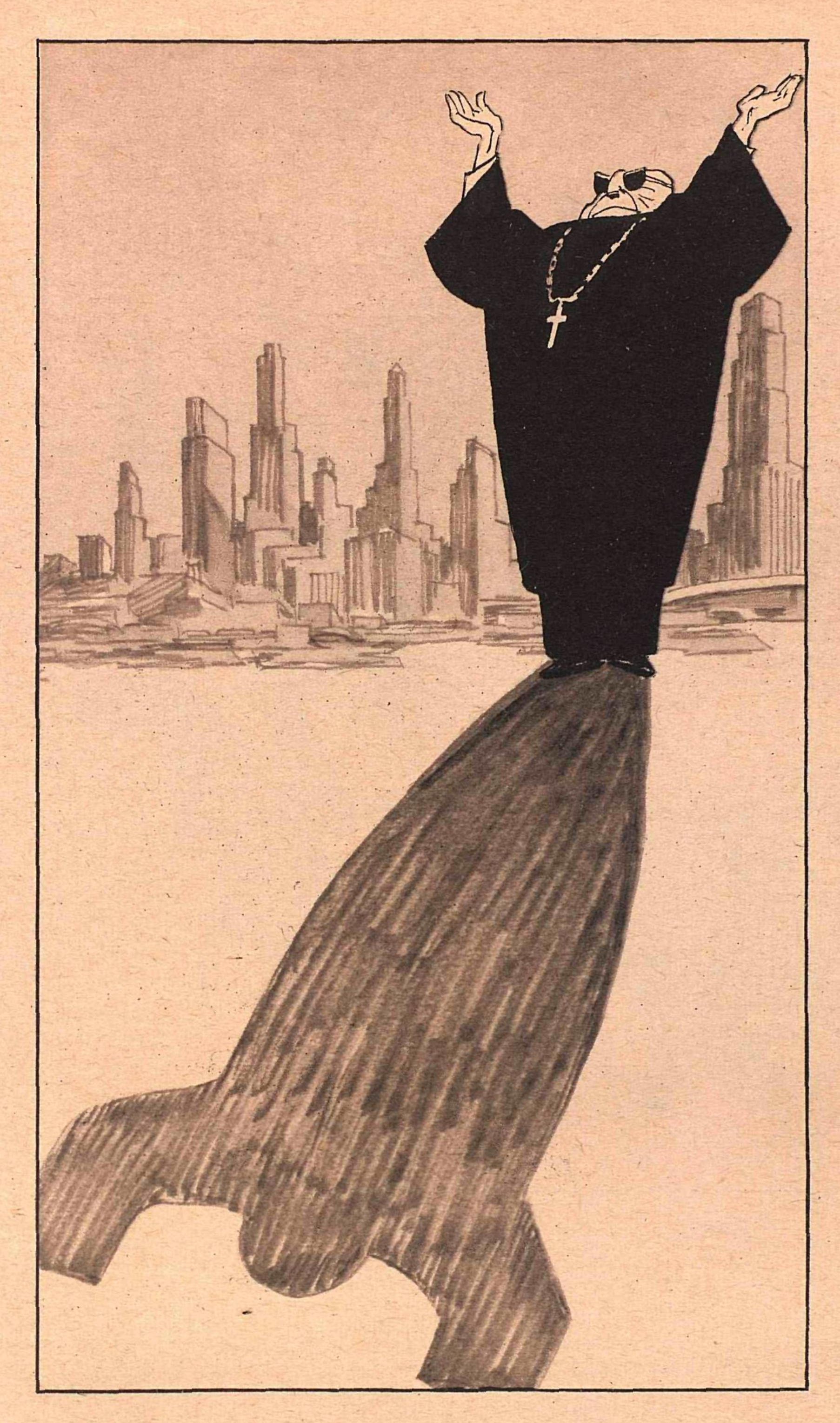
— ...его блестящий прогноз! «Они,— сказал он о нас,— завоюют в бундестаге от 80 до 100 мест!» За это и целую кружку выпить не жалко!

— А герр Леммер понимает толк в таких делах. Помню, как он еще в рейхстаге голосовал за Гитлера, а потом честно служил и Геббельсу, и фон Риббентропу, и самому Гиммлеру.

— За Леммера и за всех, кто в Бонне! — предложил Фриц Тилен заключительный обобщающий тост.

Пивные кружки взмыли вверх. По жирным губам и бульдожьим подбородкам потекла пена...

Д. УМАНСКИЙ

Проповедь кардинала Спеллмана.

Рисунок Бориса ЛЕО

ОШИБКА старого наборщика

19 января 1967 года президент США Джонсон вручил орден Почета летчику ВВС США Бернарду Фишеру.

Старый наборщик Джеймс Стоун давно уже не помнил такой спешки, какая была 19 января. В цех вбежал взволнованный редактор с двумя листками текста:

— Немедленно в номер! Выбросьте что угодно, но материал должен стоять в полосе. Первое награждение орденом Почета за Вьетнам!

— Будет сделано, сэр,— ответил Стоун, а про себя проворчал: «Нашли, за что награждать. От моего сына уж целый месяц нет писем».

...Было уже давно за полночь, редактор начал дремать, когда на его стол лег свеженький, терпко попахивающий типографской краской номер газеты.

«В Восточном зале Белого дома,— читал он,— **состоялось торжественное вручение президентом США ордена Почета майору военно-воздушных сил США Бернарду Фишеру. При вручении награды выступил президент Джонсон. Он сказал:**

— Майор Фишер добился этой чести благодаря своей необычайной храбрости перед лицом смерти. В этом бою речь шла не об убийстве, а о спасении жизни. Из 123 сельскохозяйственных кооперативов провинцииНиньбинь к югу от Ханоя 96 подверглись воздушному нападению. Нападению также подверглись 13 дамб, 10 шлюзов, 20 рынков и кроме того, 5 больниц и 10 церквей».

Чем больше редактор углублялся в чтение, тем быстрее улетучивались у него остатки дремоты. Он взбодрил себя чашечкой кофе и продолжал читать:

«Я хотел бы указать, что желание спасать жизнь людей вместо того, чтобы убивать, свойственно не только майору Фишеру. Я думаю, что это, пожалуй, типично для всех наших солдат, находящихся во Вьетнаме. 2 декабря в предместье Ханоя вокруг школы упало 10 бомб. Ученики и учителя находились в это время в убежищах. В результате взрыва одно убежище обвалилось. Под обломками оказались 6 учеников и 2 учителя. Здание школы вновь подверглось воздушным налетам 13 и 14 декабря и так сильно пострадало, что его уже нельзя использовать».

«Что такое? Неужели это слова президента? За участие в таком позоре раздавать награды?!» — подумал редактор и продолжал читать:

«Подобно майору Фишеру, эти люди сражаются решительно. Но им ненавистно убийство, им ненавистно уничтожение. В период американских бомбардировок Северного Вьетнама был причинен значительный ущерб жилым домам и невоенным учреждениям, потери гражданского населения довольно значительны. Большинство американских бомб падает на деревни из глинобитных хижин, на рисовые поля. С июля 1965 г. по май 1966 г. США систематически бомбили лепрозорий, в котором лечились две тысячи прокаженных».

— Чертовщина какая-то! — пробормотал редактор.— Выставить себя перед всем миром такими злодеями!

Червь сомнения закрался в душу редактора. Где-то он уже раньше встречал слово «лепрозорий». Да это же из вьетнамского репортажа Солсбери! Все стало ясно.

— Джеймс, что ты наделал? Ты что, пьян?

— Что вы, сэр, даже мимо бара не проходил.

— Старый болван, ты набрал вперемежку речь президента и разоблачительную корреспонденцию Гаррисона Солсбери!

— В такой спешке можно набрать даже сообщение о собственной смерти.

— Лучше бы ты его и набрал. Боже, что теперь будет! Что будет!

Л. СОЛОВЬЕВ

КОРНИ И ПОБЕГИ

БОНН. В 1933 году в баварской деревне Унтерампфрах была посажена липа в честь фюрера. Сейчас она разрослась и загородила путь к церкви. Местный протестантский священник требует срубить ее, но отцы общины возражают, говоря, что деревня и так недостаточно озеленена.

Однако деревенские старожилы знают истинную причину их отказа. Они помнят, как при посадке липы под ее корни была положена бутылка со списком всех членов и функционеров местной группы нацистской партии.

Во время последних баварских земельных выборов унтерампфрахцы голосовали за неофашистскую партию НДП.

Итак, нацистские корни сохранились и пустили ростки.

ЗАВЕЩАНИЕ

ФЕНИКС (штат Аризона, США). Верховный суд штата Аризона распорядился во исполнение завещания умершего еще в 1951 году местного миллионера Джеймса Кидда организовать «научное доказательство существования бессмертной человеческой души».

Кидд завещал 200 тысяч долларов «каждому, кто сможет научно доказать существование души, равно как и то, что после смерти человека она покидает его тело».

Уже восемь американских «научных организаций» претендуют на завещанную сумму, утверждая, что ими «научно доказано» наличие души и ее бессмертие...

Вл. КОСТРОВ

Американский «авангардистский» композитор Джон Кэйдж осчастливил музыкальный мир новым опусом, который состоит из четырех минут и тридцати трех секунд полнейшего молчания.

Музыкальная тишина

Четыре минуты — прекрасный
рекорд! —
звучал этот мощный беззвучный
аккорд.
Забавные знаки —
бемоль и диез —
уже не нужны для сверхмодных
пиес.
Совсем ни к чему обучать
трубачей
бесплодному знанию нотных
ключей.
Зачем музыкантам —
господь их спаси! —
твердить
до-ре-ми-фа-
ми-фа-соль-ля-си?

В оркестре у Кэйджа любой
идиот
прекрасно играет без знания нот.
И чтоб не орал, надрываясь,
тромбон,
в луженую глотку засунут
тампон.
Спрошу, совмещая минор и
мажор:
к чему инструменты,
зачем дирижер,
и сам композитор,
и зал,
и народ?
Важней в этой музыке —
плата за ВХОД!

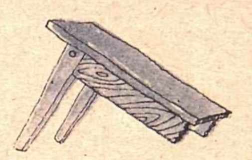
БАНКЕТ ПО СЛУЧАЮ...

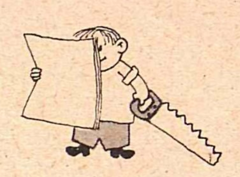
КАССА

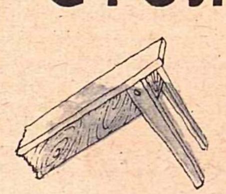
Участники (хором): — Пей до дна!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

РАСПИЛЕННЫЙ СТОЛ

Однажды, просматривая дома свежий номер еженедельника «Новости», я неосторожно обронил вслух фразу:

— Смекалистый народ!

— Пап, это ты о ком? — спросил меня сын, мирно рисовавший в альбоме то ли зайчиков, то ли котят.

— Да вот советы разные читаю. Называются «Сделай сам!». Как из книжной полки сделать подставку для цветов...

Сын оставил рисование.

— А как?

— «...Берете закрытую книжную полку ящикового типа, выставляете стекла — из них можно будет потом изготовить элегантную полочку для умывальника, — распиливаете вдоль по задней стенке...»

Здесь я остановился, так как сообразил, что читать такие вещи ребенку непедагогично.

Но было поздно. Ребенок заинтересовался, оживился:

— Распилить вдоль, пап?

— Ничего не надо распиливать, — ответил я. — Это все глупости. Полка должна быть полкой. Ее делали люди. Надо уважать их труд.

Мои наставления сын выслушал молча и больше не спрашивал. Это был тактический ход, рассчитанный на усыпление моей бдительности. Он ему удался.

Еженедельник «Новости» я оставил на столе, и, когда на следующий день вернулся с работы, сын встретил меня, радостно делясь своими новыми познаниями:

— Пап, а пап, а ты знаешь, как сделать выбивалку, которой пыль выбивают? Надо взять венский стул, отпилить...

— Что ты городишь?

— Нет, нет, послушай...

Ребенок был увлечен стихией разрушения. Авторы советов предлагали отпиливать, разламывать, разбирать, укорачивать, отрезать, отгрызать, разбивать — брать нормальные, хорошие вещи и делать из них черт знает что.

Войдя в комнату, я увидел, что сын не ограничился изучением теории, а уже приступил к практике. На полу валялась распиленная книжная полка.

— Что ты натворил?

— Как что? Это будет подставка для цветов.

— А зачем у кастрюли ручки оторвал?

— Соковыжималку делаю.

Я без сил опустился на стул, и в то же мгновение подо мной что-то треснуло, и я оказался на полу: ножки у стула были подпилены. Сын сделал из стула пуфик.

Утром, уходя на службу, я строго наказал сыну прекратить уничтожение предметов домашнего обихода. Еженедельник взял с собой.

Несколько дней я жил спокойно, до тех пор, пока почтальон не доставил следующий номер «Новостей». Это было без меня. Представляю, с каким радостным воплем мой любознательный сын выхватил еженедельник из рук почтальона!

Конечно, он тут же кинулся читать «Полезные советы», а прочитав, начал претворять их в жизнь. Я застал его в разгар работы. Он делал абажур из плетеного лукошка, с которым мы обычно ходим по грибы. Рядом лежал оторванный плинтус.

— Зачем ты оторвал плинтус, негодный мальчишка?

Сын авторитетно заверил меня, что из плинтуса получится хорошая рамка для картины.

Но это было еще не все. На кухне, в ведре, я увидел осколки керамической вазы.

— Ты и вазу к тому же разбил? — пробормотал я, подступая к сыну с ремнем.

— Я же не нарочно. Сверлил дырку для провода, а она и треснула...

— Какую дырку? Для какого провода?

— Я делал из вазы настольную лампу... Но вот не вышло.

Поняв, что зло надо пресекать в корне, я хлопнул дверью и побежал в редакцию еженедельника.

Увидев меня, взлохмаченного, на пороге своего кабинета, редактор спросил:

— С жалобой?

— Нет, с изобретением! Как из одного стола сделать два? Надо взять ваш стол и распилить пополам! А хотите, я сделаю из этого абажура плевательницу? А знаете, как самовар переделать в три чайника?

— Вы сумасшедший?

— Ага, — ответил я, для острастки добавив: — И у меня даже есть справка. Так что за свои действия не отвечаю.

— Успокойтесь, успокойтесь, — нежно попросил меня редактор. — Может быть, водички хотите? Боржомчику, а? Чем могу помочь?

— Помогите, — жалостливо сказал я. — Не печатайте больше «Полезные советы». Мой сын...

В это время зазвонил телефон, и редактор снял трубку.

— Чем ты так взволнована? Что-нибудь случилось, Танюша? Беда? Витька торшер разломал? Хорошо. Не будет, нет, не будет больше у нас рубрики «Сделай сам!».

Я рассмеялся нервным мстительным смехом.

Бор. ЕГОРОВ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Докладная
19 мая телятницы Иванова Нина Николаевна и Хвостова Мария Ивановна не гоняли пасти телок, телки просидели дома».

Прислал М. КОЗЛОВ.
Пермская область.

«Товарищи покупатели!
В Универмаге в отделах галантерейных и посудохозяйственных товаров проводится «день неудовлетворительного спроса».
В отделах у продавцов вы можете записать в тетрадь «Неудовлетворительного спроса», какие бы вы хотели приобрести товары, которыми отдел не торгует».

Переписал Ю. КУСТОВ.
Астраханская область.

Пусть все на ёлке веселятся!
Пусть за здоровье не боятся!
Пусть жизнь светлеет
с каждым днем,
Пусть всё вокруг горит огнем.

Прислала В. ГОЛИШЕВА.
г. Мыски.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРАЗДНИК

Арнольд МОСТОВИЧ,
главный редактор польского сатирического еженедельника «Шпильки».

Я получил от одного из читателей необыкновенно милое и сердечное письмо, которое хотел бы ниже процитировать полностью:

«Дорогой товарищ редактор!

На днях у нас на предприятии было большое торжество. Трем старейшим и наиболее заслуженным работникам фабрики вручали награды. Прилагаю вырезку из местной газеты, в которой этот прекрасный праздник описан во всех подробностях:

«Уже в самый ранний утренний час весь коллектив собрался в большом зале клуба. На праздник прибыли: председатель уездного совета Станислав Крупка, секретарь уездного совета Казимир Вишневский, директор местной потребительской кооперации Анджей Кихалкевич, заведующий почтой Фр. Затыка, директор фабрики инженер Войцех Малишевский, заместитель директора по административной части Кароль Ферлишевский, председатель профсовета Мариан Майчерчак, начальник отдела капитального строительства Ежи Богомолец, зав. складом Йозеф Студзиковский.

Перед награждением были зачитаны многочисленные поздравительные телеграммы, среди них телеграмма Феликса Скжипка — чемпиона фабрики по велогонкам за 1962 год.

Затем директор фабрики инженер Малишевский сказал, что имена награжденных золотыми буквами вписаны в историю предприятия, и виновникам торжества были вручены награды.

Сразу же после этого дети в народных костюмах (Зуля Малишевская, Юлик Заберчак, Антош Ферлишевский и Мариолка Ковальская) вручили награжденным букеты цветов.

Торжественное собрание закончилось художественной частью, в которой приняли участие: специально прибывшая из Варшавы известная певица Каролина Дыльская, наш местный лирический тенор Владек Стрышек, работник отдела электроснабжения скрипач Теодор Сокульский, ансамбль счетоводов в составе Вл. Стрышек, Клеофас Кушинский, Станислав Стрышек, Роман Кошмарко, женский хор под руководством Амелии Колоус, мужской хор под управлением Феликса Щипалко, оркестр под управлением Францишка Снэп-Чарнецкого.

Вечером дирекция устроила прием в честь награжденных товарищей. На приеме присутствовали директор Малишевский, его заместители Заберчак и Ферлишевский и другие ответственные работники предприятия. Особенно трогательную минуту пережили собравшиеся, когда от имени молодежи фабрики выступил Ендрик Гердичек, который заверил награжденных, что они являются примером для нашей молодежи и их имена будут всегда повторяться с гордостью и уважением. В соревнованиях по пинг-понгу на кубок имени награжденных первое место занял Януш Осеский (из отдела механизации)».

Я надеюсь, что эта корреспонденция вас заинтересует и вы найдете ее достойной перепечатки в центральной прессе.

С уважением

Сыкстус БРОДЗЯНКО

P. S. Фамилий награжденных я в корреспонденции не обнаружил, поэтому лично от себя поздравить их не сумел, в чем и приношу им извинения через ваш журнал».

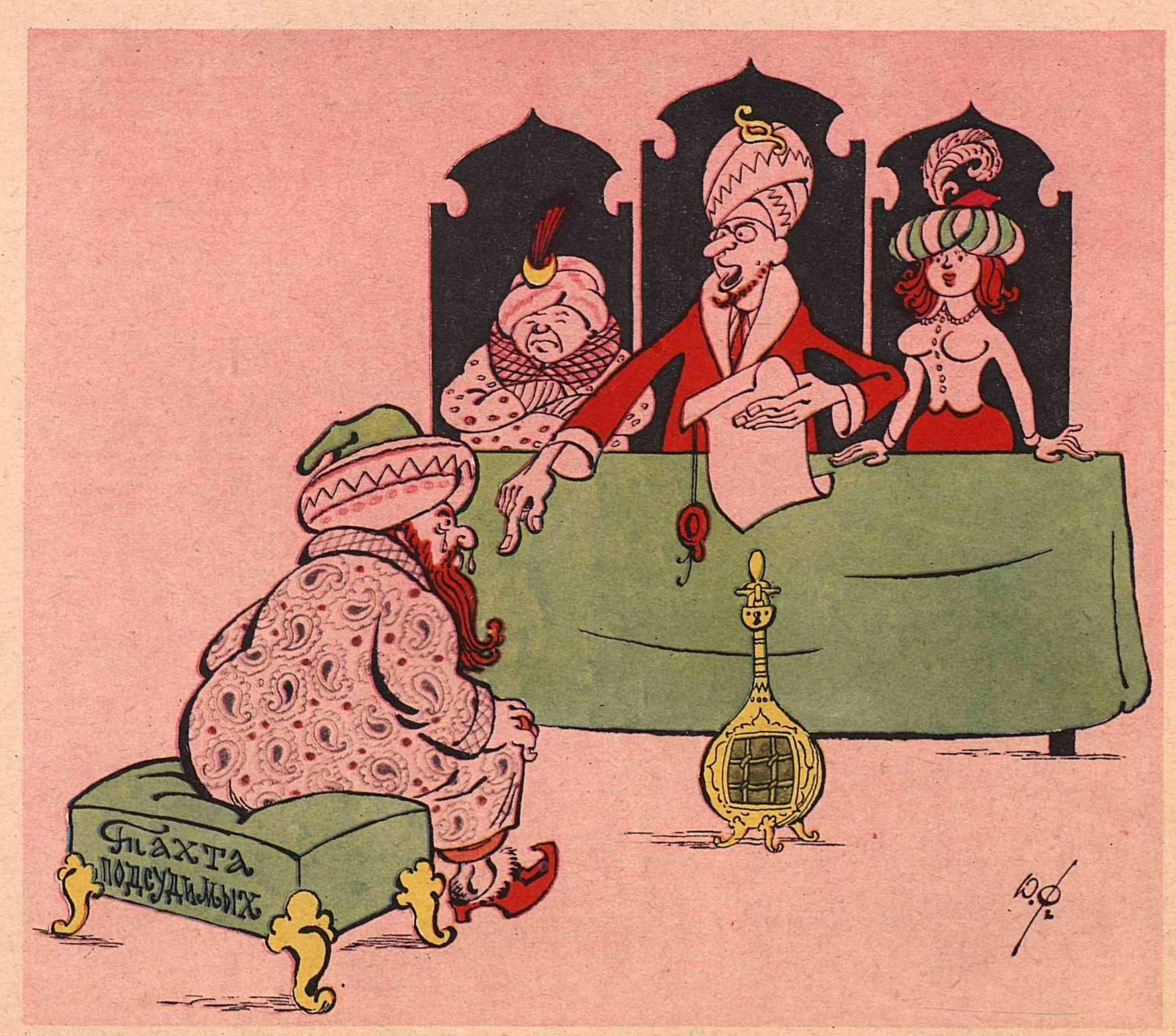
Авторизованный перевод Н. ЛАБКОВСКОГО.

«Мы с нею встретились в общежитии. Она сама предложила мне пойти с нею в кино. Я охотно согласился, так как она на внешность интересная дама. Следующая встреча была назначена на Курской, встреча не состоялась, она не пришла. Я решил, что она заболела, и решил к ней приехать. Она действительно больная гриппом лежала в постели.
Каждый вечер я к ней приезжал, покупал гостинцы, ходил в аптеку, дышал ее вирусами.
Через неделю она выздоровела, мы с нею ходили в кино, ужинали на Бауманской, водку пили в общежитии и даже в прорабской конторе «СУ-43», где я работаю...
А мне она цинично заявила, что водку пить за твой счет я любила, а тебя я не любила.
Поэтому я прошу общественность СКБ взыскать в административном порядке в мою пользу материальный ущерб, который она мне нанесла, с тем расчетом, чтобы впредь ей неповадно было вести паразитический образ жизни в быту.
Я полагаю, что коллектив СКБ воздействует на эту душонку, черную как ад».

(Из жалобы в товарищеский суд.)
Выписал Ф. ЛИТВИНОВ.
г. Москва.

— систематически проводить спортивно-оздоровительные мероприятия. Добиться участия в физкультуре и спорте трудящихся, работающих в дуроуправлении;

(Из коллективного договора Пышминского рудоуправления.)
Прислал В. ПРОЖЕРИН.
Свердловская область.

— А этого джина за спекуляцию коврами-самолетами заключить в сосуд за семью печатями на 3000 лет... условно!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Муж — жене:

— Моя дорогая, неужели материал на мою куртку стоит две тысячи злотых?

— Истинная правда. А из остатков этого материала я думаю сшить себе платье.

●

— Надеюсь, ты щедро отблагодарил того рыбака, который спас тебя, когда ты тонул в озере?

— Как же! Я дал ему целый доллар!

— Один доллар? Гм... И что же он сказал в ответ?

— Этот неблагодарный не произнес ни слова. Он только сплюнул молча и отсчитал мне 90 центов сдачи...

●

— Ты слыхал, Пауль, интересную новость? Говорят, что скоро будут выпускать мужские сорочки без пуговиц.

— Подумаешь, новость! Такие сорочки я ношу уже со времени моей свадьбы...

●

Администратор кино схватил за шиворот шумевшего во время сеанса джентльмена и выставил его на улицу через запасной выход.

— Вы ответите за это,— кричал буян,— я принадлежу к очень знатному роду!

— О, простите, сэр! — воскликнул администратор и, снова ухватив его за шиворот, вытолкал через главный вход.

●

Моряк, проживший после кораблекрушения несколько лет на необитаемом острове, пришел в неописуемый восторг, увидев приближающийся к острову корабль. С корабля спустили шлюпку, и прибывший на ней офицер вручил моряку кипу газет:

— Капитан предлагает, чтобы вы сначала узнали, что делается в этом безумном мире, а затем уже решали сами, хотите ли вы, чтобы мы вас спасли.

●

— Правда, я теперь уже не похожа на старую леди? — кокетливо спросила миссис Паркер своего мужа, возвратившись от парикмахера, где она сделала себе модную короткую стрижку.

— Действительно, дорогая,— пробурчал мистер Паркер,— ты теперь больше похожа на старого джентльмена.

●

— Запомните, Джон, — сказал владелец конторы, нанимая служащего,— я терпеть не могу подхалимства. Так что впредь всегда говорите мне все, что вы думаете, даже если это будет стоить вам работы.

●

— Что делает наш шеф-повар?

— Выдумывает новое название для вчерашних котлет.

●

Одна женщина — приятельнице:

— Никогда не бери мужа на показ мод. Это невыгодно для обоих: я начинаю мечтать о новом платье, он — о новой жене.

Андрей ВНУКОВ

Особый подход

Прораб строительной конторы
Иван Иванович Круглов
На разговоры-уговоры
Не станет тратить лишних слов.
Он человек принципиальный
И сам, к кому ни подойдет,
Находит индивидуальный
И вместе с тем простой подход:
Увидит тех, кто бьет баклуши,—
Глаза закроет без угроз,
Услышит мат — заложит уши,
Учует хмель — прикроет нос...
А если пьяница к тому же
Еще лентяй и сквернослов,
То сразу нос, глаза и уши
Спешит закрыть прораб Круглов.

Он ценит свой подход и даже
Гордится тем, что изобрел,—
Пусть он друзей себе не нажил,
Зато врагов не приобрел!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ЛЮБИМАЯ ВОРКУЕТ НАД ЛЮБИМЫМ

Обычно система такая: журнал помещает фельетон, затем поступают отклики. Официальный — в первую очередь, чуть погодя — от читателей.

В ноябре прошлого года система нарушилась. На фельетон «Органично вплетаясь» читательские отклики пришли. Официального отклика все не было.

Он пришел лишь вчера. В журнал попала слепенькая пятая копия. Остальные четыре экземпляра пошли: в Чувашский обком КПСС, Министерство культуры СССР, Министерство культуры РСФСР, Всероссийское театральное общество.

Подписали отклик сорок работников культуры из Чебоксар. Какой текст подписали сорок уважаемых товарищей? Донельзя ругательный. Выражали несогласие с фельетоном.

Напомним содержание фельетона («Органично вплетаясь», А. Моралевич, «Крокодил» № 31, 1966 год).

Режиссер Б. С. Марков (имеющий неоспоримые заслуги!) ставит в Чувашском театре спектакль «Мэри Ив летит в Москву». Вслед за Мэри Ив летит в Москву еще одна гражданка. Балетмейстер театра Богданов якобы берет у нее рукопись рецензии на спектакль о Мэри Ив и приносит в редакцию газеты «Советская Чувашия». Рецензия была чрезвычайно хвалебная и имела подпись: «М. Хейфиц, театровед. Москва».

Рецензию напечатали, до разумного предела сократив похвалы режиссеру. Тут же встал вопрос: кому платить гонорар?

Самым разумным было заплатить его автору, М. Хейфиц. Но балетмейстер юлил, адреса не давал. Возникало некоторое подозрение насчет театроведки.

В конце концов выяснилось, что рецензию писала не М. Хейфиц, театровед, Москва, а вовсе Мария Колисевич, студентка-заочница, жена режиссера Маркова.

И, как нынче установлено, позаимствовала в рецензии о «Мэри Ив» не только рассуждения из театральной книги своего мужа, но и переписала куски из старых газетных рецензий на совсем другие спектакли.

Об этом и был фельетон. Об этике в искусстве.

Журнал с фельетоном поступил в Чебоксары 27 ноября. И вот уж действительно «Крокодил» помог! В понедельник, 28 ноября, когда терять было нечего, М. Г. Колисевич пришла получать гонорар за рецензию о «самобытном, весеннем, свежем, светлом». А воспетый женой муж побежал собирать сорок подписей. Враз этого не сделать, вот и ушло два месяца. Но зато какое получилось письмо! «Одним махом очернить целый коллектив...» (хотя в фельетоне ни слова не говорится о коллективе). «Оклеветали и опорочили имя глубокоуважаемого всеми честного труженика, коммуниста, зачинателя музыкального театра Чувашии, постановщика всех музыкальных спектаклей, талантливого, признанного народом актера и режиссера, художественного руководителя большого коллектива, народного артиста республики, председателя Чувашского отделения ВТО, ректора университета культуры...»

Замечательным стилем написали. Если сравнивать с рецензией — «свежий, весенний, светлый»,— получается тот же самый почерк. Рука жены. Так сказать, любимая воркует над любимым.

Ну, еще немножко о любимой, а также еще раз об этике в искусстве.

Во-первых, несмотря на протест уважаемых товарищей, не пристало жене сочинять и печатать панегирики в адрес мужа.

Во-вторых, негоже студентке-заочнице театрального вуза М. Колисевич подписываться титулом «театровед». Сначала не худо бы защитить диплом.

Равно как надо знать: человек, пишущий под псевдонимом, не имеет права сочинять себе титул и место жительства. Пятиклассник не должен подписывать свои заметки псевдонимом «академик Лобачевский», и фельетонист не вправе начертать под фельетоном:

Бернард Шоу, драматург. Лондон.

«МАМА, ПАПА, АЛТАЙ И «ВОЛГА»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 32 «Крокодила» за 1966 год. Рассказывалось в нем о том, как заместитель начальника Гушосдора Казахской ССР тов. Ахмеров отправил своего сына Алтая на отдых к берегу Иссык-Куля на своей служебной «Волге».

От Алма-Аты до Иссык-Куля рукой подать — 500 километров с гаком. Водитель Шашин домчал его к месту назначения в тот же день. Немного отдохнул — и назад. А когда отдых Алтая подошел к концу, за ним поехала та же «Волга». И управлял ею тот же Шашин. И уже вторую тысячу километров нащелкал спидометр служебной машины.

Секретарь партбюро Гушосдора тов. М. Тервартанов сообщил редакции, что фельетон подтвердился. Лица, направлявшие машину, строго предупреждены. Тов. Ахмеров возместил все расходы, связанные с пробегом автомашины.

«НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОСИДЕЛКИ»

Получается так, что после уборки винограда и до самой весны рабочим совхоза «Нахичевань», что в Нахичеванской АССР, не находится никакого дела, кроме песен, плясок и игры в нарды. Между тем дел для сотен крепких, сильных рук может найтись сколько угодно. Ну хотя бы собственными силами наладить производство бетонных шпалер для виноградников...

Однако на эти предложения работников совхоза, подкрепленные убедительными экономическими расчетами, республиканские организации не реагировали (фельетон «Нахичеванские посиделки», «Крокодил» № 32, 1966 г.).

Как сообщил редакции заместитель председателя Государственного производственного комитета по виноградарству и виноделию Совета Министров Азербайджанской ССР тов. М. Зейналабдинов, фельетон был обсужден госкомитетом. Намечены мероприятия для оказания помощи совхозу «Нахичевань». Здесь будет сооружен водопровод, построены клуб, детский сад и ясли, баня, пекарня и винзавод. В первом полугодии 1967 года будет пущен в эксплуатацию полигон для изготовления железобетонных столбов.

«ПРОДЕЛКИ ВОДЯНОГО»

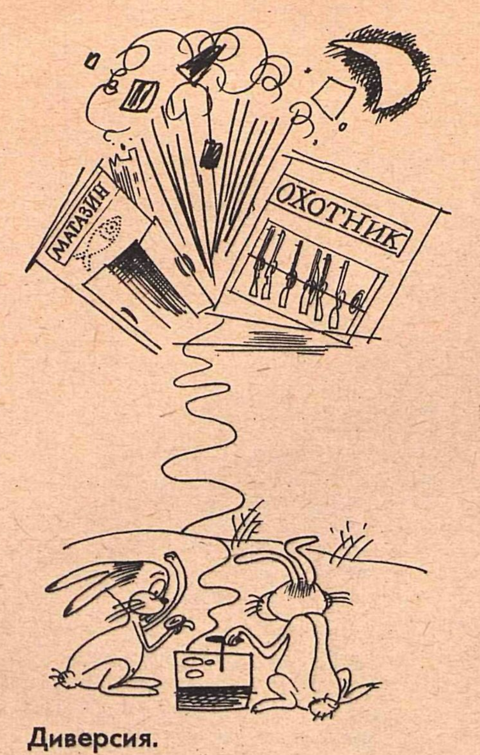
СМУ Гурьевского облмелиоводхоза построило в совхозах «Правда» и «Индерский» оросительную систему. Но как? В совхозе «Правда» вода не пошла. А в совхозе «Индерский», наоборот, вода пошла так, что рвала стенки канала, заливая поля и дороги. Только совхозу «Правда» это принесло убыток в 20 тысяч рублей и гибель 70 га люцерны. Этим фактам и был посвящен фельетон «Проделки Водяного» (см. «Крокодил» № 32, 1966 г.).

По сообщению секретаря Гурьевского обкома КП Казахстана М. Исенова, фельетон обсуждался на бюро обкома партии. Решением бюро предусмотрены меры по улучшению качества проектирования и строительства ирригационных сооружений и мелиоративных работ. За бесконтрольность, низкое качество работ начальник СМУ управления «Казглавводстроя» тов. Ким привлечен к строгой партийной ответственности, начальник областного управления мелиорации и водного хозяйства тов. Нигмашев, допустивший приемку и ввод объектов в действие с недоделками, строго предупрежден.

«СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ»

Некий гражданин В. Джорбенадзе явился к директору Красноармейского филиала Донецкого политехнического института В. Куликову, чтобы устроить в институт свою знакомую Зою Г. В залог он оставил на столе директора 200 рублей. Короче говоря, подсунул взятку. Были вызваны представители милиции, составлен акт. Казалось, преступление налицо, взяткодатель пойман с поличным, порок будет наказан. Но Красноармейское РОМ рассудило иначе. Деньги В. Джорбенадзе были возвращены, о привлечении его к ответственности и речи не шло. *Всему этому и был посвящен* фельетон «Свидетель обвинения» (см. «Крокодил» № 34, 1966 г.).

Как сообщил старший следователь прокуратуры Донецкой области тов. Левченко, постановление Красноармейского РОМ об отказе в привлечении к ответственности В. Джорбенадзе отменено, и против него возбуждено уголовное дело.

Диверсия.

Рисунок О. КОРНЕВА

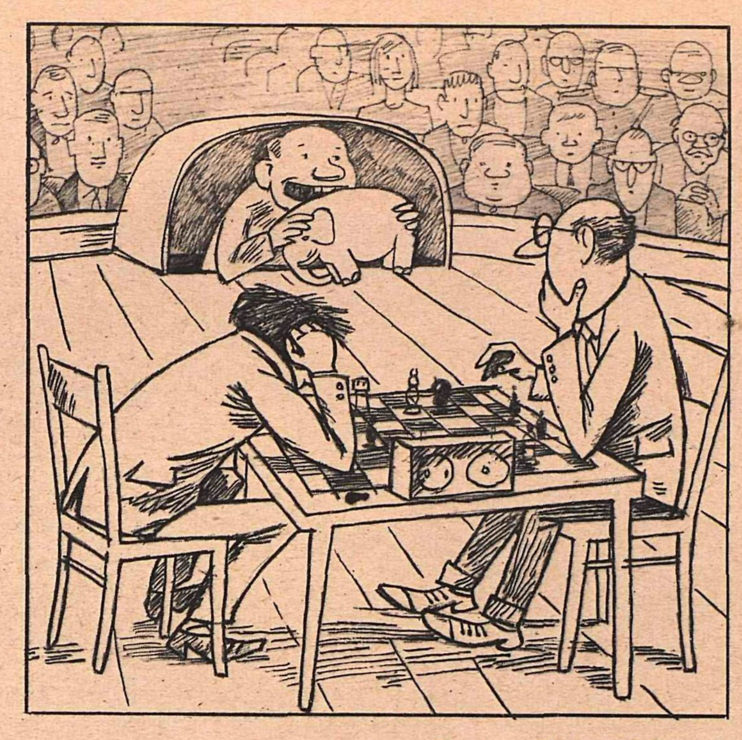

Рисунок М. СОКОЛОВА

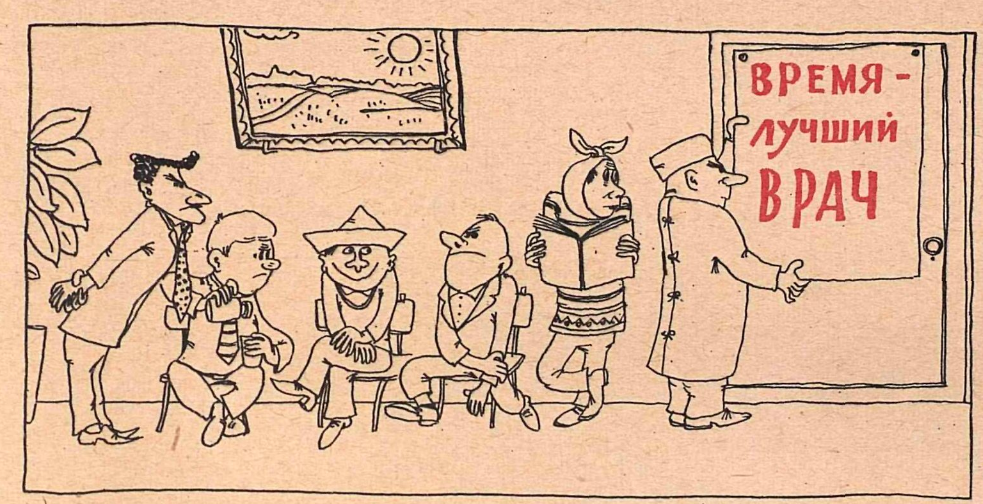
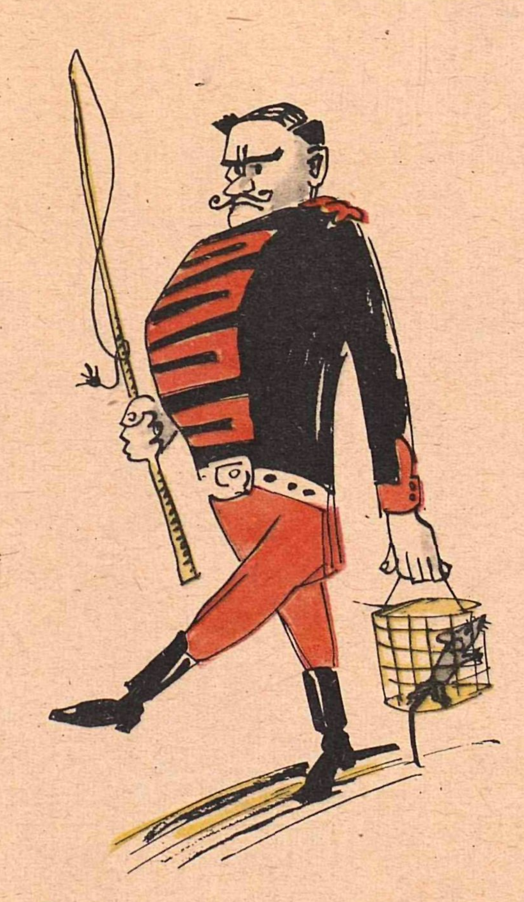

Рисунок В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА

Понизили в должности.

Рисунок С. СПАССКОГО

— Хорошего же ночного сторожа ты себе подыскал!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

КРОКОДИЛ

№ 5 (1835)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера разработали: Ю. Андреев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, О. Корнев, В. Коршков, С. Кузьмин, В. Птицын, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00029.
Подписано к печати 9/II-67 г.
Формат бумаги 70×108 1/8
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 156.
Заказ № 444.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

Топает ногами...

Рисунок Ю. ГАНФА